

Сильвия Лайм

Люби
ЦАРЯ ЗМЕЙ

Сильвия Лайм
Рубин царя змей
Серия «Золотые пески
Шейсары», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57458271
Рубин царя змей: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-110790-1

Аннотация

Не заходи в город змей, не задавай лишних вопросов, не смотри в глаза нагам. Иначе тебя могут убить.

Этим правилам меня учили с детства. Я человек, а значит, для великих змеев – лишь низшая каста. И я никогда не искала иной судьбы. Но что делать, если судьба находит тебя сама?

По воле рока сегодня я нарушила все правила. Теперь мне придется отвечать перед самым опасным из нагов.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	13
Глава 2	40
Глава 3	61
Глава 4	84
Глава 5	116
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Сильвия Лайм

Рубин царя змей

© Лайм С., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Тихо журчал ручеек под ногами маленького ребенка, дикий вереск аметистовыми букетами украшал землю. Девочка с длинными серебристо-белыми волосами, забавно скрученными в кудряшки, вприпрыжку шла по лесной поляне. Ее дом остался далеко позади, и ей не мешало бы вернуться, пока не заблудилась. Но кроха весело напевала какую-то песенку и шла вперед. Ей минуло не более пяти лет, и она с наивной уверенностью считала, что сможет найти дорогу домой даже из самой глухой чащи.

И отчасти это оказалось правдой, потому что Иллиана была непростой девочкой.

Завернув за большую скалу, обросшую мхом цвета маляхита, она обогнула озеро, соединяющее Верхний город и Нижний, и оказалась у высокой каменной стены. Кирпичная кладка защищала Верхний город от людских глаз, не позволяя никому любоваться волшебством и богатством великих мираев.

Но Иллиане очень хотелось посмотреть.

Девочка частенько убегала из дома, чтобы побродить вдоль стены, пытаясь найти в ней хоть одну прореху. С каждым разом она заходила все дальше в чащу леса, но это не помогало. Верхний город крепко хранил свои тайны.

Немного устав, девочка села на мягкую землю прямо в

куст вереска. Пропустила между пальцами сиреневые цветочки и вдруг обнаружила между стеблей маленькую змейку.

Она была крохотной, не больше веревочки от ботинок. Ее чешуя переливалась яркими красками, от черного до изумрудно-желтого.

– Какая красивая! – воскликнул ребенок, протянув руки и тут же схватив змею. – Вот повезло!

Иллиана к своим пяти годам уже знала, что в Шейсаре, королевстве мираев, змеи считаются священными животными. Крайне редкими и почитаемыми.

Поэтому, естественно, девочка обрадовалась такой удаче. Нечасто встретишь на дороге практически живое божество, похожее на красивый драгоценный камень. И конечно, она совершенно не задумывалась о том, что это существо способно убить ее одним коротким укусом клыков.

– Ты моя ми-и-илая, – протянула девочка, погладив змейку по голове.

Та высунула раздвоенный язык, коснулась им маленького детского носика и снова убрала в рот.

Смех Иллианы, похожий на трель весенних ручейков, разнесся по поляне.

В этот момент змейка склонила голову набок и вдруг, шипя, ответила:

– Ты тош-ш-ше ош-щ-щень миленькая!

– Ух ты! Ты разговариваешь! – обрадовалась девочка, тут же вскочила на ноги и радостно закружилась.

Маленькое платьице колокольчиком крутилось вокруг нее.

– Давай вместе гулять? – воскликнула Иллиана и, увидев, что змейка согласно кивнула, деловито положила ее себе на плечо. Точно так же, как делал ее друг, дрессируя своего ручного хомяка Вилли. Совсем не страшно. Особенно когда не знаешь, что у Вилли, в отличие от змейки, нет таких длинных ядовитых клыков.

Иллиана уже представляла, как вернется домой со своей новой подругой, и ей будут завидовать все окрестные детишки.

– Наверно, сегодня я опять ничего не найду, – проговорила она, глядя на высокую неприступную стену. – Пора домой.

– А ш-ш-што ты ищ-щ-щеш-ш-шь? – тихо прошипела изумрудная подружка.

– Я ищу отверстие в кладке, – тут же ответила девочка. – Хотя бы маленькое окошко в Верхний город.

– Пойдем, я покаш-ш-шу тебе, – с готовностью отозвалась змея.

Сползла с плеча девочки и юркнула в траву, быстро-быстро передвигаясь к высокой стене.

Иллиана побежала следом, не веря, что ей так повезло. А змейка тем временем завернула за высокий валун, обогнула несколько деревьев и поползла вдоль лесного озера.

Через пару десятков метров она замерла возле полукруглого участка стены, что сильно выступал вперед. Словно

башня, встроенная в прочный монолит городского ограждения.

С одной стороны башня была увита цветущим кустарником, а с другой – омывалась водами озера. Поманив Иллиану ближе к кустам, животное скрылось в листве.

Девочка поспешила за новой подружкой и, отодвинув ветки, ахнула, широко раскрыв глаза.

Взгляду предстала еще одна дивная поляна, только уже за чертой Верхнего города. На ней росли необычные фиолетовые цветочки, которые были Иллиане не знакомы. Даже отсюда чувствовалось, что растения источали удивительный аромат.

А на самой поляне происходило нечто удивительное.

Под высокой резной аркой стояла прекрасная пара, мужчина и женщина. Они держались за руки и смотрели друг на друга влюбленными глазами.

Вокруг них расположилось еще около десятка человек в дорогах украшениях, но Иллиана сразу поняла, что главными были первые двое.

Дыхание на миг отказало девочке, когда она рассматривала мужчин, чьи запястья, бицепсы и обнаженная грудная клетка были увиты золотыми цепями и браслетами, и женщин, чьей единственной одеждой оказались легкие кольчужки, усыпанные самоцветами. Они скрывали лишь полные груди и больше ничего.

А еще у всех присутствующих были огромные змеиные

хвосты, переливающиеся на солнце разноцветными чешуйками.

– Что это? – выдохнула Иллиана, не веря своим глазам. Она никогда не видела ничего подобного.

– Это свадьба мирае-е-ев, – прошелестела в ответ маленькая змейка, забираясь девочке на руку. – Великих змей... Тех, чья кровь х-х-холоднее жестокого сердца, а взгляд горячее огня. Тех, чей яд с-с-способен убить даже бога...

– Мирай... – тихо повторила та, замороженная зрелищем. Восхищенная прекрасными полужмеями, их красотой и статью. Мощью и силой, которая распространялась от них как туман, что вблизи был незаметен, зато издали покрывал собой все вокруг.

Но не успела девочка произнести вслух название древнего народа, живущего за стеной в Верхнем городе, как откуда-то сбоку раздался шорох и звук шагов.

Зачарованная зрелищем, Иллиана и не заметила, как к ней подошел юноша, не старше двадцати лет. Повернув голову, она встретила с его смеющимся взглядом, показавшимся девочке ужасно добрым. Хотя и очень странным. Иллиана никогда не видела, чтобы у человека были такие глаза – искристо-золотые, словно в них утонул закат.

– Что ты тут делаешь, малышка? – спросил с улыбкой незнакомец, и у Иллианы впервые в жизни замерло сердце при взгляде на мужчину.

К слову сказать, он тоже был обнажен по пояс, и рельеф-

ную грудь украшали три золотых цепи с вплетенными в них камнями. Длинные черные волосы, сверху собранные в небольшую заколку, сзади падали на широкие плечи.

Но у него не было хвоста, только две ноги, одетые в брюки, как и полагается обычному человеку. Наверно, поэтому девочке удалось найти в себе силы, чтобы ответить, глядя в яркие золотые глаза:

– Я... гуляю...

– Далеко же ты забралась, малышка, – проговорил незнакомец с улыбкой. – Не стоит тебе гулять здесь, это небезопасно. Тем более совсем одной.

– А что же может со мной случиться? – удивилась Иллиана, наивно распахнув свои большие голубые глаза. – К тому же я не одна, со мной Изумрудка.

И подняла вверх маленький кулачок, вокруг которого обвилась зеленоватая змейка.

Золотые глаза мужчины резко распахнулись.

– Ты же со мной, правда? – продолжала девочка, спрашивая у змеи и не замечая, как изменилось при этом лицо незнакомца.

– Конеш-ш-шно, – кивнула змейка. – Ты мне нравиш-ш-шься.

– Ну вот, я же говорила, – радостно улыбнулась девочка, растянув губы от уха до уха.

Мужчина вдруг улыбнулся, протянул руку и ласково погладил девочку по голове.

– Значит, ты – сайяхасси, – прошептали его губы с легкой усмешкой, в которой проскочило что-то неуловимо-невеселое. – Никому не рассказывай о том, что умеешь говорить со змеями. А лучше вообще забудь об этом.

Затем он осторожно снял Изумрудку с ее кулачка и отпустил в траву.

– Ползи, здесь тебе будет лучше, – проговорил змее, и та неожиданно послушалась, мгновенно скрывшись в зелени.

– Эй, зачем ты прогнал Изумрудку? – надулась Иллиана.

– Тс-с-с, – прислонил мужчина палец к губам, – если ты дашь мне несколько обещаний, Изумрудка обязательно к тебе вернется. Договорились?

– Да! – обрадовалась Иллиана.

Мужчина улыбнулся и кивнул.

– Хорошая девочка. Тогда первое: иди домой и никому не рассказывай о том, что видела. Второе: никогда не приходи сюда больше, потому что это смертельно опасно.

– И Изумрудка вернется? – уже поворачиваясь, чтобы уйти, спросила девочка.

– Вернется.

– Кстати, что значит «сайяхасси»? – задала вопрос она, безупречно повторив произношение неизвестного слова.

Золотые глаза мужчины потемнели.

– И третье, последнее обещание, малышка: никогда не произноси это слово.

После этого он поднялся с корточек, снова приложил па-

лец к губам и, развернувшись, пошел по направлению к свадьбе мираев.

Иллиана отшатнулась, и густые ветви вновь полностью закрыли отверстие в стене. Закрыли таинственного незнакомца, чьи ноги прямо на ходу превратились в огромный черный хвост, отливающий золотом. Штаны разорвались и упали в траву, став лохмотьями. А удивительная змеиная чешуя засверкала на солнце.

С тех пор Иллиана больше не видела ни свою Изумрудку, ни мираев. Она трепетно соблюдала обещания, но ее змейка так и не вернулась.

Прошло пятнадцать лет. И однажды пришел день, когда она разом нарушила все три данных мираю слова.

Глава 1

– Мама, я обещала, что найду способ, значит, найду, – уверенно сказала молодая девушка, тряхнув головой. Густые волосы рассыпались по плечам крупными волнами цвета белого хрустала.

– Иллиана, ростовщик приедет уже сегодня к вечеру, – сдвинула брови старая женщина и схватилась за лоб. – Он нас по миру пустит, проклятый жук. Зря ты брала у него ссуду, не надо было!

Иллиана вздохнула и сжала губы. Спорить с матерью не хотелось. Тем более не хотелось в сотый раз объяснять, что она пустила деньги на хорошее дело.

Во-первых, купила в их лавку новую витрину для специй и целую упаковку великолепных фасовочных мешочков, на каждом из которых была вышита их фамилия – Тангрэ. Теперь покупатели всегда будут помнить, у кого купили товар. К тому же – дополнительная реклама.

А во-вторых, на оставшуюся сумму она купила детям из приюта на улице Желтого Полоза три мешка риса и два – пшеницы высшего сорта. Этим они будут питаться еще месяц, не меньше.

Но матери не было смысла рассказывать. Ее беспокойство от этого не уменьшится. Тем более что ростовщик Хетриан Панс действительно может серьезно испортить им жизнь, ес-

ли пожалуется в участок стражей.

– Я разберусь, мам, – махнула рукой девушка. – До вечера еще куча времени. Схожу в Змеиные чаши, соберу ягод барбариса и можжевельника. Помнится, Марха из цветочной лавки хотела купить у меня пару мешочков.

– Ох, эта Марха, – заворчала старая женщина, – а вдруг она передумала? Вечно у нее ветер в голове. К тому же денег все равно не хватит. Можжевельник и барбарис стоят не так дорого. Уж я-то помню.

– Ничего. В крайнем случае сперва отдам часть, а затем попрошу отсрочку, – ответила девушка и поспешила к выходу, пока мать не придумала, по какому поводу еще понервничать.

– Осторожней там! Не ходи далеко! – крикнула ей вслед старая женщина, и дверь за Иллианой тут же захлопнулась.

Змеиные чаши встретили мастерицу специй привычной прохладой и узкими дорожками. Иллиана Тангрэ с детства гуляла здесь, успев обойти лес на левой границе Нижнего города едва ли не вдоль и поперек. Лишь в самую глубину она заходила редко, опасаясь встретить там не только диких зверей, но и мираев, великих змеев. Представителей таинственной расы, которых люди боялись, уважали и почти никогда не видели.

Конечно, в лесной глуши Нижнего города мираям было совершенно нечего делать, но смутное воспоминание из детства заставляло девушку держаться оттуда подальше.

Несколько часов Иллиана гуляла по тернистым тропам, насвистывая под нос разные мелодии. Ориентируясь на собственный нюх, сперва она искала кусты барбариса, а затем и можжевельника. Невероятно острое обоняние – это особенность, которая была с ней с самого рождения. Редкий дар, который позволил ей с матерью после смерти отца открыть лавку специй и не умереть с голоду.

Вот и сейчас Иллиана планировала использовать свои способности, чтобы быстрее найти редкие кусты, урожай с которых еще не был собран.

К сожалению, сегодня ей не слишком везло. Вероятно, она выбрала неудачное направление для поисков. Все, что удалось собрать через три часа блуждания, – два крохотных мешочка ягод.

Иллиана вздохнула и присела на поваленное дерево перевести дух. Нужно было срочно что-то придумать, потому что время подходило к концу. Скоро к ним в дом приедет родственник, и придется чем-то с ним расплачиваться. Девушке не хотелось думать о том, *что именно* в этом случае предложит ей лысеющий Хетриан.

Вспоминая его сальные глазки и вечно потные ладони, она невольно вздрагивала. Мужчина уже давно оказывал ей знаки внимания и даже приглашал как-то прогуляться по вечернему городу. Однако от одной мысли об этой встрече Иллиане становилось дурно. Стоило только представить, как влажные пальцы скользнут по ее талии, как цепкий взгляд подер-

нется поволокой желания, как у нее начинала кружиться голова и немного подташнивало.

Да, Иллиана не очень любила Хетриана. А значит, просто крайне необходимо было найти способ поскорее отдать ему долг.

Время подходило к концу, но она так ничего и не придумала.

Но, как только она собралась уходить, в голове вспыхнуло воспоминание: залитая солнцем арка, возле которой празднуют свадьбу несколько десятков мираев. Мужчина с золотыми глазами, лицо которого с годами стерлось. И целая поляна маленьких фиолетовых цветов, обладающих дивным запахом.

В детстве Иллиана понятия не имела, что это за растения. Но сейчас картинка из прошлого резанула сознание остро отточенным клинком. На поляне мираев рос самый настоящий шафран! Цена за него в Шейсаре доходила до сотни золотых аспидов за мешок!

Иллиана больше не задумывалась о том, что делать дальше. Не размышляла она и о том, что проход на территорию Верхнего города без специального разрешения строго запрещен. Она видела перед собой цель и надеялась лишь на то, что за пятнадцать лет прореху в стене не залатали. А фиолетовые цветы растут все так же хорошо.

Несмотря на прошедшие годы, девушка быстро нашла дорогу к старой башне у стены. Иллиана почти бежала вдоль

ручейка, выйдя наконец к большому озеру. Обошла его с правого боку, немного помедлила, разыскивая нужные кусты, и уверенно отодвинула разросшиеся ветви.

Протиснуться через найденное отверстие было уже не так-то просто. Впереди ничего не было видно. Кустарник цеплял платье, норовя разорвать. А щель в стене оказалась не такой уж и большой.

Однако каково же было удивление девушки, когда вместо поляны с другой стороны она вдруг обнаружила озеро, куда и полетела от неожиданности. Каменная кладка случайно выкрошилась под ней, выбросив в водоем, который за минувшие годы слегка изменил свое местоположение.

Девушка не успела набрать в легкие воздух, падение оказалось для нее слишком неожиданным и грозило стать фатальным. Вода проникла в нос, заставляя захлебываться, паниковать, глупо и бесполезно размахивая руками.

И когда Иллиана уже решила, что ей конец, с ужасом и тоской вспоминая образ матери, которая умрет от горя, узнав, что она утонула, чьи-то сильные руки вдруг обхватили ее тело.

Нельзя сказать, что ее спасение от рук незнакомца было чем-то восхитительным. Невероятным, удивительным, захватывающим и волшебным. Нет. Едва почувствовав дуновение воздуха на своем лице, Иллиана начала кашлять, убирая прилипшие к щекам и забравшиеся в глаза мокрые волосы. Первые несколько секунд она дергалась в чьем-то силь-

ном захвате, как палтус, попавший в сеть. Грубо, резко и бестолково. Пыталась отдышаться, не веря, что все закончилось, что она жива.

И лишь затем, когда пришло понимание, а страх отступил, девушка смогла открыть глаза и замереть, встретившись с пронзительным взглядом незнакомого мужчины. Взглядом цвета солнца.

– Успокоилась? – тихо спросил он, продолжая крепко прижимать ее к своей обнаженной груди, на которой болтались три золотых цепи. Аккуратные звенья чередовались с крупными драгоценными камнями, привлекая внимание умопомрачительным блеском.

Иллиана поймала себя на мысли, что ей захотелось взять их и покрутить между пальцами. А потом убрать их и провести по блестящей от воды коже мужчины, чтобы удостовериться, настолько ли она гладкая и так ли тверды под ней мышцы, как это кажется.

Еще взгляд вдруг зацепился за тонкий шрам, пересекающий грудь. От плеча вниз к противоположной стороне ребер. Под витиеватыми звеньями цепей – белая полоса, настойчиво требующая провести по ней подушечками пальцев.

Сдвинув брови, девушка моргнула и снова посмотрела на своего спасителя, встретившись с невероятными золотыми глазами, подобных которым она никогда прежде не видела. Или все же видела? Однажды, когда-то давным-давно...

Сердце вдруг оглушительно забило. К щекам прилила

краска.

Незнакомец оказался невероятно красив. Но его красота не была стандартной, обычной. Напротив. Черты его лица одновременно сочетали в себе почти хищную жесткость и неуловимую мягкость. Резкий разлет черных бровей, высокие скулы, четко очерченная, сильная линия подбородка. И при этом крупные, полные губы, от которых было невозможно оторваться, настолько нежными и чувственными они выглядели.

И вот по этим губам вдруг скользнула едва заметная улыбка. Застыла в уголках, неуловимым образом осветив опасно притягательное лицо незнакомца.

В этот момент Иллиана вдруг поняла, что слишком уж красноречиво застыла, хлопая глазами и с приоткрытым ртом глядя на мужчину.

– Я... да, со мной все в порядке... – проговорила она, утопая в жидком золоте глаз красавчика, вокруг которого, казалось, все померкло. Остался только он один. Он и его колдовской взгляд...

Этот взгляд был слишком похож на тот, что она видела много лет назад. Он вызывал внутри нее жгучий трепет и безотчетную тревогу, растущую с каждой секундой.

Это взгляд что-то означал. Что-то очень-очень плохое для нее.

– Тебе никогда не говорили, – мягко прошепел мужской голос, словно касаясь каждого нерва в теле девушки, –

что смотреть в глаза мираям – запрещено?

Удар сердца. Еще один.

Тишина.

– Мираям? – выдохнула Иллиана, чувствуя, как кружится голова.

Кажется, она забыла, как дышать.

Мужчина ничего не ответил, лишь продолжал плавить ее хищным взглядом, в котором чувствовалось что-то охотничье.

Затем он вдруг приподнял ее, меняя положение, ловко и быстро развернулся в воде и прижал спиной к прохладному камню стены. А сам приблизился настолько, что она ощутила, как под водой двигается нечто огромное.

Иллиана опустила взгляд в прозрачную гладь и увидела массивный змеиный хвост. Он был словно жидкий обсидиан с вкраплениями рассыпчатого авантюрина, золотого песка.

Девушка не верила тому, что видит. От перенапряжения перед глазами заплясали разноцветные круги.

Перед ней действительно был мирай! Настоящий!

И внезапно его хвост начал медленно обвивать ее лодыжки, поднимаясь выше и выше.

Он не торопился, словно дразня, запугивая.

Или давая возможность привыкнуть...

Иллиана распахнула губы и резко вдохнула.

«Взять себя в руки, не поддаваться панике!»

Посмотрела в пронзительные глаза напротив, но сразу же

поняла, что снова сделала то, что запрещено!

Когда-то давно мать говорила ей, что смотреть в глаза миряам – все равно что подписать себе смертный приговор. Люди при виде нагов обязаны опускать взгляд, выказывая тем самым почтение высшей расе. Более сильным и могущественным существам.

А она забыла!

И немудрено. За все двадцать лет своей жизни Иллиана ни разу не видела ни одного мирая. Какой смысл учить правила общения с нагами, если ты никогда с ними не встретишься? Только время терять.

Оказалось, что она ошиблась. И теперь все стало еще хуже, чем можно представить, потому что она не могла оторваться от его золотых глаз. От по-хищному красивого лица. Ведь это как увидеть чудо и вдруг заставить себя отвернуться. Невозможно!

В голове отчаянно пульсировало: «Что теперь будет?»

В Нижнем городе часто говорили, что за нанесенное оскорбление мирай может на месте убить человека. И закон Шейсары это позволяет.

Может, этот мирай хочет ее убить?

Не за этим ли он все выше и выше обвивает кольцами ее тело?!

Иллиана ощутила острый укол страха, ударивший в голову горячей вспышкой. Сердце бешено застучало, отдаваясь в горле.

А наг тем временем придвинулся ближе, впечатав ее в камень своим собственным телом. На полных губах блеснула едва заметная улыбка.

Иллиана вздрогнула, ощутив жар плоского живота с рельефными кубиками и гладкость основания хвоста. Легкую ребристость черно-золотой чешуи, которая оказалась на удивление мягкой и приятной. И даже теплой!

Иллиана всю жизнь думала, что мираи – хладнокровные. Как змеи, с которыми они делят половину тела. Но это оказалось не так! Жар этого мужчины обжигал ее, проникал под кожу и так резко контрастировал с холодным камнем за спиной, что ей невольно хотелось податься вперед.

Быть ближе к нему. К нагу...

Два таких разных желания: прижаться и убежать – сводили с ума, путали.

Иллиана прикусила губу и усилием воли заставила себя опустить взгляд. Не смотреть больше в его чарующие золотые глаза, на дне которых она почему-то чувствовала смех.

– Хорошая девочка, – мягко проговорил мирай, и его голос, ставший отчего-то низким и немного вибрирующим, проник в нее, прокатился в груди и ухнул куда-то вниз горячей удушливой волной. – Ты нарушила за сегодняшний день слишком много правил, – продолжил он, вдруг наклонившись к ней.

Легкий, почти неуловимый из-за воды запах мужчины коснулся Иллианы, заставив вздрогнуть от странного удо-

вольствия.

– Ты пересекла территорию Верхнего города, – продолжал тихо он, вдруг убрав мокрые волосы от ее лица и едва ощутимо коснувшись носом возле уха. Будто случайно. – Ты посмотрела в глаза миру, – звучал его мягкий голос с легким мурлыканьем зверя. – Ты не боишься...

– Боюсь, – выдохнула она, нервно облизав губы. – Очень боюсь...

И рефлекторно вновь посмотрела ему в глаза.

«Змейка-злодейка!» – мелькнуло в голове прежде, чем она поняла, что снова прокололась. Прежде, чем увидела, как золотой взгляд потемнел от мрачного удовольствия, а полные губы растянулись в жесткой хищной улыбке.

В этот момент она с ужасом ощутила, как быстро заскользила по ней в воде гладкая змеиная кожа. Мощный хвост сомкнулся в прочном захвате, сдавил ноги, бедра, живот, двинулся вверх, невзначай коснувшись груди и медленно обогнув ее, будто погладив самым кончиком.

По коже пробежали мурашки. Пугающе-незнакомые прикосновения, подобных которому Иллиана не ощущала никогда в жизни, отдавались в груди странным томлением, напряжением. По позвоночнику прокатилась волна дрожи. И девушка со все возрастающей паникой поняла, что ее соски вдруг сжались, стали твердыми и начали пошло просвечивать сквозь мокрую ткань.

И он это заметил.

Взгляд мирая неторопливо упал на ее грудь, и вслед за этим улыбка на его лице стала еще опаснее: мягкие губы открылись, из-под них блеснули белоснежные зубы с тонкими, чуть более длинными, чем у людей, клыками.

Сердце Иллианы пропустило удар.

Золотые глаза напротив нее вспыхнули огнем какой-то темной неизбежности. Густой, как крепленое вино, и почему-то такой же...

...сладкой.

– Как же мне наказать тебя? – негромко проговорил мирай, а Иллиана не могла оторвать взгляда от дерзко изогнутых линий его губ и торчащих из-под них лезвий клыков.

В мозгу вспыхнул новый страх: что, если он ее укусит?

Яд каждого нага – уникален. Он настолько силен, что при определенных условиях способен отравить даже самого хозяина. И это при том, что кровь мираев к обычным ядам невосприимчива!

Поговаривали, что мираям доставляет особое удовольствие наказывать вкусом своих врагов. Или провинившихся любовниц... Они вонзают клыки им в шею или запястья, туда, где проходят важные артерии. И запускают отраву прямо в кровоток. А потом с наслаждением смотрят, как жертва мучается и умирает.

Иллиана похолодела от этого воспоминания.

– Не надо наказывать меня, мирай, – попросила она, снова склонив голову.

Уронила взгляд в область его ключиц и снова прикусила изнутри губу.

Золотая цепь на бугрящейся венами шее. Густые черные волосы влажными прядями падают на спину. Четкий подбородок уходит к мочке уха резко очерченной линией, по которой хочется провести пальцем. А в ухе блестит одно некрупное кольцо с алым камнем...

Тихий смех вырвал Иллиану из плена очарованной задумчивости, в которую она снова провалилась, разглядывая мужчину. В этот момент под водой по ней вновь заскользила гладкая змеиная кожа.

Горячая...

Змеиный хвост держал крепко, давая понять, что расцепить захват не получится. Но одновременно его объятия были мягкими, и Иллиана не испытывала неприятных ощущений. Ей даже вдруг захотелось опустить руки, бесполезно болтающиеся в воде, и дотронуться до него.

Мирай ведь не заметит, если она это сделает?..

Осторожно, почти не осознавая своих импульсов, девушка опустила руки и положила их на мощное кольцо, обвивающее ее живот. Провела по нему ладонями.

Будто случайно....

Кожа мирая оказалась удивительной. Гладкая, немного бархатистая. Иллиане даже захотелось вытащить мужчину из озера и рассмотреть каждую чешуйку, что переливалась в воде золотыми искрами, застывшими в черном камне.

Только мирай – не добрая игрушка. И вряд ли ему это понравится.

В этот миг произошло нечто неуловимо странное. Сперва девушка не могла понять, что ее так взволновало. А затем почувствовала – наг напротив нее неподвижно замер.

Ее взгляд снова, как глупый щенок, которого невозможно дрессировать, взвился к золотым глазам. Глазам, внутри которых зрачок вдруг стал вертикальным.

Иллиана затаила дыхание. Сердце в груди отсчитывало удары, словно колокол, звонящий перед казнью.

Наг медленно поднял руку и вдруг коснулся ее щеки ладонью.

Девушка резко вдохнула, едва заметно распахнув губы, и замерла. В висках стучало.

А мирай отстраненно подмечал каждое ее движение, и его зрачки с каждой секундой все больше удлинялись, переставая быть хоть сколько-нибудь человеческими.

Большим пальцем мужчина провел по ее щеке, повторяя взглядом это движение, а затем коснулся ее приоткрытых губ. Слегка оттянул нижнюю и провел по ней, словно стирая помаду, которой она никогда не пользовалась.

Раскаленная молния ударила в позвоночник и прокатилась по всему телу девушки, всколыхнув каждый нерв.

Змеи должны быть холодными! Но прикосновение мирая обжигало ее, заставляя кровь двигаться быстрее.

Другую руку наг опустил под воду и резко закинул одну

ее ногу на себя.

Иллиана не успела ахнуть, как оказалась обнимающей миря коленями.

Тело, успевшее замерзнуть в холодной воде, задрожало от удовольствия, ощутив вдруг скользящие прикосновения придвинувшихся к ней бедер.

Мирай... змей! Она должна бояться!

Но голова вдруг закружилась от непонимания того, что же происходит. И от неуместного ноющего чувства где-то под желудком.

Она положила ладони на его грудную клетку, пытаясь оттолкнуть.

Бесполезно.

Прочные, как камень, мышцы под мягкой кожей будто дразнили кончики ее пальцев. Вместо того чтобы отталкивать, неожиданно захотелось послушно следовать по рельефу мужского тела, очерчивая каждый изгиб.

В этот момент наг сильнее прижал Иллиану к камню. Его хвост освободил ее живот, и теперь между их телами не осталось ни миллиметра свободного пространства. Его лицо приблизилось к ней настолько, что она чувствовала его дыхание. Золотые радужки потемнели, приобретя оттенок горького кофе, а колдовской взгляд теперь был направлен лишь на ее губы.

От этого внутри Иллианы все переворачивалось, кричало о том, как ей хочется, чтобы он ее поцеловал. Чтобы коснул-

ся своими губами, дав почувствовать их вкус.

Запретное желание, неправильное.

Похожее на сумасшествие. Ведь что может быть страшнее укуса нага?

Только его поцелуй.

– Что?.. Что происходит? – выдохнула она, пытаясь хоть немного прийти в себя.

Но вышло жалко. Потому что она тоже смотрела на его губы, едва дыша.

Никогда Иллиана не чувствовала ничего подобного. Никто из мужчин не приводил ее в такое состояние, да еще и так быстро. Смущение, стыд, жар... и то, в чем она не собиралась себе признаваться, – все бурлило в крови жгучим коктейлем.

Ее лихорадило. Щеки горели, а в висках бешено стучал пульс.

– Ничего, – выдохнул мирай, вновь взглянув на нее глаза в глаза.

Иллиане показалось, что в его золотых радужках плавился металл. Блестел тысячами искр, утягивая в свою глубину. И она уже давно не могла оторваться от него, не могла отвернуться.

– Я просто... удивлен... – добавил он и, снова взглянув на ее губы, вдруг поцеловал.

Кровь Иллианы закипела. Она резко вдохнула, приоткрыв рот, чтобы набрать побольше воздуха, и он поймал это дви-

жение, как вор, который посреди оживленного базара видит драгоценный бриллиант.

Пульс ударил в виски оглушительной волной. Голова закружилась, а перед глазами заплясали разноцветные круги.

Это было так ослепительно сладко, что веки сами собой закрылись. Вместе с выдохом из горла вырвался тихий стон.

Иллиана вздрогнула, услышав его, и сама испугалась того, что произошло.

Но мирай уже почувствовал ее реакцию. Забрался одной рукой ей в волосы, прижимая к себе, раздвинул ее губы своими и резко проник внутрь языком, одновременно скользнув твердостью в основании хвоста между ее раздвинутых бедер.

То, что было скрыто чешуей, внушительно выпирало, давая понять, что эта странная встреча в озере ничем хорошим не может закончиться.

Ткань подола женского платья в воде поднялась вверх, и теперь лишь тонкое нижнее белье служило хоть какой-то защитой.

Жар слился со страхом в единый коктейль.

Иллиане вовсе не хотелось, чтобы ее первый раз случился вот так вот. В лесном озере на территории Верхнего города, да еще и с самым настоящим мираем, которого она видела впервые в жизни. Это было похоже на сон. Порочный, страстный, горячий. Но от этого не менее ужасный.

Говорят, страшнее укуса мирая – только его поцелуй. Потому что, когда кому-то из мираев нравилась человеческая

женщина, он забирал ее к себе в Верхний город. И больше ее никто и никогда не видел.

Иллиана этого не хотела.

Никто не хотел.

Но мирай прижал ее сильнее и скользнул своими бедрами по самым чувствительным точкам, одновременно вновь проникая в ее рот языком. На секунду ослабил напор и снова прижал, создавая между ними болезненно острое, приятное до крика трение.

Девушка едва дышала. Обхватила его руками, словно для того лишь, чтобы не упасть. Закрыла глаза, убеждая себя, что позволит этому продолжиться еще всего-навсего секунду...

Острое желание пронзило ее, пройдясь будто кинжалом вниз по позвонкам, по нервам. Заставляя вздрагивать от каждого короткого движения мирая, от каждого чувствительного толчка, вспыхивающего жгучими импульсами.

Он словно бы ничего не делал с ней, но она уже была целиком и полностью его.

Осознав это, Иллиана болезненно вздохнула и, чтобы хоть как-то прийти в себя, из последних сил распахнула глаза, придумывая в голове хоть одну разумную фразу. А затем, разорвав поцелуй, проговорила:

– Я... я замерзла!

И закрыла глаза, ожидая, что вот сейчас мирай тоже придет в себя и укусит ее за дерзость. Какое ему дело, холодно ей или тепло? Она вообще ему на голову упала!

Девушка зажмурилась, ругая себя за то, что не смогла придумать ничего поумнее.

Но мирай неожиданно повел себя совсем не так, как она представляла.

Мужчина немного отодвинулся от нее и прищурился.

– Ты и правда дрожишь, – констатировал он через мгновение.

Девушка послушно кивнула, не зная, как скрыть румянец на щеках.

В этот момент ее действительно ощутимо потряхивало. Дрожь била в позвоночник, Иллиана тяжело и отрывисто дышала, цепляясь пальцами за мощные плечи мирая. Вот только трясло ее вовсе не от холода. Далеко не по этой причине.

Зрачок мирая... Черный, вертикальный... медленно становился нормальным.

Лицо мужчины приобрело серьезное выражение, глаза слегка прищурились, словно он пытался понять, лжет ли она. Или уже понял...

Однако он вовсе не торопился отпускать ее. Вдруг упер в стену руки по обеим сторонам от ее лица и, чуть склонившись, мрачно спросил:

– Какого гессайлаха тебя сюда принесло, женщина?

На этот раз от странного очарования момента не осталось и следа. Мирай словно пришел в себя после помрачения. И Иллиана уже не знала, радоваться этому или нет. Похоже, ее дурацкая «драгоценная» невинность, о которой она так бес-

покоилась, так и останется при ней. Вот только злой мирай гораздо опаснее доброго!

– Я... мне нужно было... – промямлила девушка, отчаянно вжимаясь в камень позади. И все же, несмотря на опасное настроение нага, его лицо, застывшее всего в нескольких сантиметрах от нее, все еще волновало и будоражило.

– «Нужно было», – передразнил великий змей, скривив свои красивые губы. – Ты понимаешь, что за это по закону я могу делать с тобой все, что пожелаю?

Девушка шумно сглотнула, утопая в потемневшем золоте его глаз.

– Могу убить, – жестко припечатал он. – Могу забрать и сделать рабыней. Ты на это рассчитывала, когда пришла сюда? Искала хозяина?

– Что? Нет, конечно! – ахнула девушка, заметив странную гневную вспышку в его глазах на последней фразе. – Я просто не знала!

– Ты ничего не знаешь о мираях, но самовольно перелезла через стену в Высший город? Может, ты просто глупая?

Жестокие слова мужчины словно ударили. Иллиана сжала губы, не отводя от него такого же пылающего взгляда.

– Ты продолжаешь смотреть мне в глаза, даже когда я сказал, что это запрещено, – почти прорычал он, обжигая ее кожу своим дыханием.

Все это он говорил, находясь так близко, что слова невольно утрачивали для Иллианы половину экспрессии, приобре-

тая вместо этого странную интимность.

Девушка не опустила взгляда.

– Кое-что про мираев я все же знаю, – насупилась она и хотела сложить руки на груди, но мирай все еще прижимал ее к стене хвостом, а она отталкивалась ладонями от его груди.

Все такой же горячей и гладкой...

Иллиане казалось, что кончиками пальцев она слышит биение его сердца.

Мужчина приподнял бровь, будто в ожидании.

– Не смотреть в глаза, не пересекать черту Верхнего города, – перечислила девушка очевидное. – Обращаться «мирай». Еще вы ездите в паланкинах, кусаете своих врагов и живете очень долго.

Губы нага изогнулись в усмешке.

– Все?

Иллиана сдвинула брови, зажевав нижнюю губу. Почему-то ей ужасно хотелось поразить мирая, чтобы он понял, что не такая уж она и дурочка. И кое-что знает.

Вот только она больше ничего не знала.

Кроме одного слова, смысл которого ей никто и никогда не объяснял, но произносить которое ей запретил много лет назад один добрый мирай.

– Сайяхасси, – произнесла она, с удовольствием замечая, как изменилось лицо нага.

Золотые глаза широко раскрылись, став почти огромными. Мужчина напрягся всем телом и подался вперед, вдруг

схватив ее за шею:

– Откуда тебе известно это слово? Кто сказал тебе, говори!

Переход от спокойной насмешки к ярости занял долю секунды. Иллиана даже не успела опомниться, мысленно согласившись с миром, что она все же круглая дура. Ведь было же все нормально, пока она не открыла рот и не решила выдать великому змею парочку своих мыслей!

– Оно мне не известно! – тут же призналась она, зажмурившись, лишь бы не видеть так близко горящих огнем глаз. – Когда-то так назвал меня один мирай! Прямо здесь, на этом же месте...

Когда последние слова сорвались с ее губ, она неожиданно почувствовала, как хватка на шее ослабла, а через мгновение и вовсе исчезла.

– Не может быть, – прошептал мужчина.

Иллиана открыла глаза, не веря собственной удаче. Мирай абсолютно успокоился и теперь выглядел ошарашенным. Он разглядывал ее несколько обжигающе долгих мгновений, и девушка даже вновь успела расслабиться, начав почти физически ощущать его взгляд.

– Что-то не так? – рискнула спросить она, потеряв ладонью горло.

На самом деле ей не было больно, мирай совсем не сжимал пальцы. Но она успела испугаться.

Мужчина сдвинул брови, поймав этот жест, и, осторожно

протянув ладонь, коснулся ее шеи.

– Я не хотел, – проговорил он серьезно, внимательно глядя на девушку.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга.

Все так же близко, все так же волнительно.

По спине Иллианы медленно прокатилась волна мурашек, едва стоило ей успокоиться и вновь ощутить мягкую ласку его руки. Почувствовать, как большой палец медленно проводит черту по шее вниз, очерчивает ключицу.

Девушка резко выдохнула и невольно облизнула пересохшие губы.

Наг поймал это движение, как опытный хищник – жертву. Он посмотрел на влажный женский рот, и золотые глаза, на миг вспыхнув, вновь начали темнеть. В ту же секунду мужчина отстранился, отвернув голову, словно стараясь быстрее избавиться от наваждения.

Неожиданно его хвост поднялся выше, вновь обвил девушку огромными сильными кольцами. На этот раз наг больше не прижимался к ней. Он ухватился за каменный выступ стены, мышцы на рельефных руках вздулись, вены стали ярче.

А затем он поднял ее вверх над водой и поставил в отверстие выломанной стены.

Иллиана не успела испугаться, как оказалась свободна. С этой стороны каменной кладки проход был гораздо шире. Кроме того, кусты здесь не мешали движениям.

Девушка обернулась, взглянув на мирая. Не веря, что он просто ее отпускает.

– Как тебя зовут? – раздался его мягкий, немного грудной голос, в котором словно зажурчал шум водопада. Или рокот грозы.

– Иллиана, – ответила она, чувствуя, как эти звуки перекатываются внутри нее, и подмечая, что, когда наг хотел, его голос звучал невероятно возбуждающе.

Золотые глаза вновь переливались жидким горячим металлом. Казалось, что сейчас на их дне застыла улыбка, хотя губы оставались неподвижны.

Девушка тоже хотела спросить, как зовут мирая, но не решилась. Все ее эксперименты по общению с ним сегодня провалились. Не хотелось разозлить великого змея, когда он уже почти отпустил ее.

Но через несколько секунд молчания, глядя на нее снизу вверх, мирай сказал то, чего она совсем не ожидала:

– Приходи сюда завтра после захода солнца. Одна. И никому не говори, что видела меня. Не сообщай, куда собралась идти. Поняла?

Под кожу брызнули жгучие искры. Сердце заколотилось, будто в клетке.

– Да, – прошептала Иллиана, испытывая одновременно ужас оттого что мирай ее не отпустил, и... восторг оттого что увидит его снова.

Она сошла с ума? Неужели ей хочется навсегда исчезнуть

в Верхнем городе? Никогда не видеть больше родных и друзей? Возможно – и вовсе умереть?

Конечно, нет.

Но при этом Иллиана все же мечтала узнать, каков он, этот Верхний город. Те, кто бывал там, рассказывали, что он дивно прекрасен. Настолько, что можно ослепнуть от красоты.

А еще в глубине души девушка снова хотела, чтобы этот мирай прикоснулся к ней. Прижал к себе, накрыв мягкими горячими губами, в которых было столько жажды...

Но в этом она не собиралась признаваться даже себе.

Ей оставалось ясно лишь одно: наг, которого она сегодня встретила, был очень странным. И, хотя Иллиана почти совсем ничего не знала об этой расе, что жила рядом с людьми уже много веков, мужчина, стоявший перед ней, совершенно точно очень отличался от остальных.

О мираях всегда упоминали как о жестоких и высокомерных существах. О том, что они смотрят на людей как на грязь под ногами.

А этот... смотрел на нее как будто *хотел*.

Иллиана уже чувствовала: его золотой взгляд теперь еще долго будет терзать ее воспоминания.

А потому, когда он кивнул ей, что она может идти, девушка резко развернулась и наклонилась к отверстию в стене, надеясь убежать отсюда как можно скорее. Скрыться от этого нага и собственного бешено стучащего сердца. И если от первого скрыться можно было хотя бы временно, то со вто-

рым дела обстояли куда хуже.

Лишь в последний момент она резко остановилась, уже закинув колено в отверстие, повернула голову и неожиданно даже для себя спросила:

– А чем вы были удивлены, мирай?

– Что? – вскинул брови мужчина.

– В самом начале, когда я спросила, что происходит. Вы... сказали, что удивлены...

На полных, чарующих губах великого змея мелькнула полуулыбка.

«Боги, неужели так бывает?» – подумала Иллиана, шумно сглотнув слюну во в который раз пересохшем горле. А затем поспешно опустила взгляд, хоть раз за эту беседу опомнившись.

Вот только мирай вдруг усмехнулся тихим грудным смехом, от которого по спине девушки прокатилась волна мурашек.

– Посмотри на меня, – мягко сказал он, и Иллиана подняла голову, вновь встретившись с ним взглядом. – Мне нравится, когда ты смотришь мне в глаза, – ответил он.

Несколько мгновений девушка не знала, что сказать, заливаясь краской... удовольствия. А затем быстро кивнула и скрылась в отверстии стены, так до конца и не поняв, был ли это ответ на ее вопрос, или мирай просто констатировал факт. В любом случае последняя его фраза стояла в ее ушах всю дорогу домой. А там на пороге ее уже ожидал Хетриан

Панс. Пухлый ростовщик с сальным лицом и плотоядной улыбкой.

Глава 2

– Ты что-то задержалась, милая, – обеспокоенно проговорила старая женщина. – Много трав насобирала?

– Нет, мам, я... – замялась Иллиана, не зная, что и придумать в качестве оправдания. Те два мешочка можжевельника и барбариса все промокли и в данный момент вообще не были пригодны к продаже. Девушка, конечно, планировала их аккуратно просушить, но пока это сделаешь!

– А ты почему вся мокрая? – спросила женщина, округлив глаза.

Оперлась о витрину со специями и схватилась за грудь.

Ростовщик Панс тем временем с улыбкой и протянутой рукой ждал, пока молодая хозяйка пройдет в лавку.

Иллиана поняла уже, что дальше тянуть нельзя, и шагнула к нему навстречу.

– Здравствуйте, муссер Панс, – поприветствовала она ростовщика легким кивком головы и вложила свою ладонь в его. – Рада вас видеть и прошу простить за мой вид.

– О! Ты всегда выглядишь прекрасно, Иллианочка, – осклабился он, демонстрируя желтоватые мелкие зубы.

Горячо сжал ее руку, а затем поднял к своим губам и, не отрывая от нее блестящего взгляда, запечатлел поцелуй на кончиках пальцев.

– Я же просил называть меня на «ты» и просто Хетриа-

ном, — добавил он. — Опять ты хочешь меня обидеть.

Он нарочито расстроено вытянул губы.

— Нет, что вы! Ты... — быстро проговорила Иллиана, от досады закусив губу изнутри. — Я вовсе не хотела тебя обижать. Просто...

Просто ей ужасно не хотелось сближаться с этим человеком. Казалось, пока между ними есть невидимая черта деловых отношений, начинающаяся и заканчивающаяся обращением на «вы», ростовщику будет сложнее приставать к ней. А когда рядом с тобой почти «друг», что плохого в том, чтобы невзначай приобнять за талию? Или даже пригласить на свидание?

— Просто разница в наших социальных положениях обязывает меня... — начала бубнить Иллиана, проходя вглубь небольшой торговой лавки, которая также была и их с матерью домом. Но Хетриан ее перебил.

— Да какая там разница! — охнул он, присаживаясь на простой деревянный стул. Ему явно стало тяжело стоять, потому что лицо сильно заблестело от пота.

— Ну что вы, что вы, — проговорила тем временем мать, — уверена, что для Иллианы ваше расположение — большая честь.

Девушка слышала это вполуха и усмехалась, пытаясь найти сменную одежду в соседней комнате.

Быстро отыскав простое платье-халат из качественного голубого ситца, она скинула с себя влажный утренний наряд

и с удовольствием переоделась.

Оказывается, за то время, что потребовалось на возвращение домой, она изрядно замерзла. Поэтому новое платье с длинными рукавами пришлось как нельзя кстати.

Когда она вновь вышла в главный зал, мать уже наливала чай, усадив Хетриана за круглый стол. Между ними шла добрая неспешная беседа, но Иллиана видела, что мама волнуется. На ее улыбчивом лице почти не двигались мышцы, словно она налепила на себя маску с растянутыми в стороны губами.

Поспешив помочь родительнице, девушка села за стол рядом с Хетрианом, взяла себе чашку чая и приготовилась к сражению.

– Милая, ты так и не сказала, где так промокла, – вернулась к теме мать.

– Я упала в озеро, – коротко пояснила девушка.

– О, лучистые боги! – ахнул Хетриан, подавшись вперед и тут же положив свою маленькую пухлую ладошку с короткими пальцами на ее, провел по коже, попытавшись погладить. – Все в порядке ведь?

Иллиана растянула губы, сделавшись ужасно похожей на мать.

«Вот и все, стерлась черта...» – отстраненно подумала она.

– Все в порядке, конечно же. Просто случайность, – благодарно кивнула она и высвободила руку. – Если вы не про-

тив, давайте вернемся к материальным вопросам.

Хетриан выпрямился, и его добродушная улыбка вдруг показалась Иллиане еще опаснее, чем прежде.

– Дарилла, вы не оставите нас, я хотел бы деловые отношения обсудить с вашей дочерью наедине, – обратился он к матери девушки.

Та бросила на дочь короткий нервный взгляд и вышла из зала.

Иллиана знала: все то время, что они будут разговаривать, мама в соседней комнате в страхе потерять лавку будет кусать ногти, пока не откусит по локоть. Поэтому следовало постараться решить все как можно скорее. Мама уже не молодая, стоило побереечь ее сердце.

– Хетриан, – начала она медленно, тщательно подбирая слова. – Я знаю, что взяла у ва... тебя в долг довольно крупную сумму... И мы договорились, что сегодня долг должен быть уплачен. Однако, в связи с некоторыми непреодолимыми обстоятельствами, я бы хотела просить у тебя об отсрочке.

Мужчина приподнял брови, и глаза его радостно блеснули. Однако он постарался сделать самое серьезное, почти скорбное выражение лица, на которое был способен.

– Милая Иллианочка, – вновь исковеркал ее имя Хетриан. А девушка поняла, что теперь уменьшительно-ласкательные окончания будут долго ее раздражать. – Ты знаешь, что эти деньги для меня совсем ничего не значат. Но у меня есть

жесткие принципы, касающиеся деловых партнеров. И один из них – всегда придерживаться изначальных договоренностей. Ты знаешь, сколько моих клиентов просят об отсрочке? Нет? Девяносто процентов. Ты представляешь, что было бы, позволь я им это? Все просто: я бы разорился!

С этими словами он широко улыбнулся, подняв вверх влажно блестящие ладони. Будто сдавался на милость победителя. Вот только в этой битве победителем пока что был только он сам.

Иллиана глубоко вздохнула и сжала сцепленные между собой пальцы. Ростовщик подталкивал ее к словам, которые она совершенно не планировала произносить.

– Я все понимаю, Хетриан. Но ситуации бывают разные. Возможно, долговые отношения все же предусматривают по закону возможность отсрочки в связи с форс-мажором?

Она стиснула зубы, упрямо не желая говорить то, на что рассчитывал мужчина.

Хетриан облизнул толстые скользкие губы и ответил, прищурив и так маленькие глазки:

– Конечно, закон дает возможность немного продлить это время, Иллианочка. Но только если должник предоставит свое имущество под гарантию выплат. То есть если ты хочешь, скажем, еще на месяц отсрочить исполнение нашего договора, то в течение этого срока я должен иметь возможность использовать по своему усмотрению какое-то твое имущество, сопоставимое по стоимости. Но поскольку у те-

бя нет никакого полезного хозяйства вроде коровы, коз или чего-то подобного, боюсь, остается только этот дом.

Он с самым невинным видом развел руками.

– Я, в принципе, не против пойти тебе навстречу и взять это жилье на месяц в свое пользование. – Ростовщик лениво осмотрелся по сторонам. – Мог бы временно сдавать его... ну, например, морякам, которые приплывают в наш порт на пару дней.

Иллиана вздрогнула, представив, чем тут будут заниматься эти моряки, у которых на суше, как правило, только два занятия: вино и женщины. Да и им с матерью идти было некуда.

Девушка сильнее стиснула пальцы, услышав, как хрустнули костяшки. При мысли о том, что придется сделать, Иллиану бросило в холодный пот. А затем она, ругая себя последними словами, все-таки сказала то, чего он так ждал.

– Хетриан... может быть, ты захочешь пойти мне навстречу как своей... хорошей знакомой, а не как деловому партнеру? – выдавила она через силу.

«Все, теперь он не упустит шанса воспользоваться этим предложением, – мелькнуло у нее в голове. – А мне будет слишком сложно отказаться...»

Раздражение сложившейся ситуацией все сильнее накапливалось, стучало в ушах. Чтобы погасить долг, ей оставалось найти не такую уж и большую сумму. Если отдать всю до копейки выручку за последний месяц, то останется еще

столько же. Ерунда! Вот только долговая тюрьма одинаково светила всем: и тем, кто взял в долг тысячу золотых аспидов, и тем, кто, как она, попросил всего пятьдесят.

– Сегодня я могу выплатить ровно половину, – добавила она, стараясь не глядеть в радостно вспыхнувшие бусинки глаз Хетриана.

– О, ну конечно, – кивнул он, губы растянулись на лице, как два скользких слизняка. – Как я сам об этом не подумал? Прости дурака, моя милая Иллианочка.

Тут же расцепил ее сжатые в кулаки кисти и взял одну, неприятно растирая ее ладонь.

Иллиана едва заметно скривилась, но руку вынимать не стала.

– Само собой, я позволю тебе взять небольшую отсрочку. Пойду на сделку с собственной совестью и принципами. Для друзей ведь еще и не то можно совершить, – осклабился он, продолжая поглаживать ее ладонь. – А ты ведь мой друг.

И замолчал. А девушка не могла поверить, что на этом все и кончится. Неужели она ошиблась в ростовщике и он по отношению к ней вовсе ничего дурного не планировал?

Хетриан тем временем встал из-за стола, будто их разговор подходил к концу, и проговорил:

– Замечательный чай у вас, Иллианочка, скажи спасибо уважаемой Дарилле. Ну что, тогда мы договорились с тобой, да?

И не успела девушка обрадованно кивнуть, как он закон-

чил:

– Я тогда приду к тебе завтра вечером. Где-нибудь на закате, а то у меня так много дел! Подпишем договор об отсрочке, а затем сходим в какой-нибудь трактир, отметим это благое дело по-дружески. Согласна?

И все это он произнес с такой радушной улыбкой, словно был не ростовщиком, а медбратом из лечебницы имени Лигора Милосердного.

Виски Иллианы сдавило. Начала болеть голова. Вот и произошло то, о чем она думала. Чего пыталась избежать. Хетриан сделал свой ход. На закате в трактирах, как правило, остаются только влюбленные парочки, девицы легкого поведения и их клиенты. Изредка какая-нибудь шумная мужская компания тоже засиживается допоздна. Но Иллиане было совершенно ясно, к какой категории их планирует причислить Хетриан. Сама же она входит вместе с ним в число влюбленных парочек не планировала.

Кроме того, завтра на закате она должна пойти на встречу с мираем. Нарушение обещания может грозить страшными последствиями. Великий змей знал ее имя и вполне мог найти в городе. У мираев длинные руки. Уже не говоря про обоняние. Надежды на то, что он простит ее за то, что не пришла, было мало. Так же как и надежды на то, что он не сможет ее отыскать.

Но все же с ростовщиком дело обстояло еще хуже. Ведь если она откажет ему, а не мирую, то отвечать придется уже

не только ей самой, но и матери. Хетриан добьется того, чтобы дом забрали. Иллиану посадят в тюрьму за долги. И что тогда станет с одинокой старой женщиной?

– Может, встретимся послезавтра? – предложила девушка, лелея последнюю надежду развести две встречи по разным дням.

Хетриан приподнял бровь и со своей привычной ненатуральной улыбкой ответил:

– Ну что ты, милая, это слишком поздно... Да и занят я буду. Так что до завтра. Не скучай, Иллианочка.

Бросил на нее короткий самодовольный взгляд, поклонился и вышел прочь из дома.

А девушка закрыла лицо ладонями и перестала дышать, опасаясь впасть в панику. При мысли о завтрашнем дне ее бросило в холодный пот. Иллиане не хотелось признаваться себе в этом, но, похоже, она серьезно попала. Внутри уже зародилась твердая уверенность, что завтра, когда она не сможет прийти на встречу с миром, случится нечто ужасное.

Весь следующий день девушка провела как на иголках. Еще раз попробовала сходить в лес за приправами, но снова не слишком удачно. Ягоды барбариса, которые ей таки удалось найти, оказались уже слишком спелыми и мягкими. Такие хорошо не продашь. Пришлось у нескольких кустов вместо ягод собрать корни, чтобы продать хоть что-то. Корни барбариса всегда с удовольствием покупала аптекарша Роза с Маисовой улицы.

Кусты можжевельника, на которые Иллиана тоже весьма рассчитывала, и вовсе были уже девственно чисты, поэтому здесь девушку вновь ждала неудача.

Впрочем, у нее был еще целый день, чтобы найти что-нибудь еще. При этом мастерица специй вполне отдавала себе отчет в том, что пары мешочков ягод не хватит для оплаты долга. Даже если она продаст все, что собрала, ей потребуется еще неделю работать в том же темпе, забираясь все дальше и дальше в чащу в поисках редких растений.

Обычно Иллиане не требовалось так часто выбираться из дома. Множество растений она выращивала сама на участке позади лавки. Там у нее росли разнообразные травы вроде укропа, петрушки, пастернака и кинзы. Были и ягоды, которые у местных жителей пользовались популярностью при заваривании в чай или в качестве варенья. Облепиха, земляника, смородина и жимолость. Как-то Иллиана выкупила у заморского купца даже семена редких видов перца. Теперь у нее в саду их росло множество видов! Белый, черный, красный, зеленый и желтый. Сладкие и жгучие, на любой вкус.

Но все это продавалось постепенно. Невозможно было обобрать весь огород и распахать клиентам товар тогда, когда он им совершенно не нужен.

А потому девушка торопилась найти ягоды или травы, которые были относительно редки.

Вот только ничего не выходило.

В какой-то момент Иллиане пришло в голову снова отпра-

виться в сторону заветного отверстия в стене Верхнего города. Сейчас эта затея казалась еще более глупой, чем вчера. Нарваться на нового мирая совершенно не хотелось. Вряд ли ей снова повезет, и следующий великий змей отпустит ее живой. Да и вообще, ведь можно наткнуться на стражников Верхнего города! О них-то она прежде и вовсе не вспомнила. Те не станут разбираться, а сразу потащат нарушителя границы в тюрьму.

Вздрогнув от этой перспективы, Иллиана со вздохом отогнала из памяти поляну цветущего шафрана. В конце концов, прошло уже более пятнадцати лет с тех пор, как она видела те цветы. За минувшие годы лесное озеро успело поменять границы, расшириться. От растений давно уже ничего не осталось. А даже если бы озера там не было, это вряд ли что-то изменило бы. Шафран растет на одном месте не более шести лет, а дальше цикл его жизни заканчивается. Шанс собрать на заветной поляне драгоценные тычинки все равно слишком мал.

Поэтому к концу дня девушка вернулась домой измотанная, уставшая и невеселая. Волосы все перепутались, платье запылилось, покрылось лесной паутиной и репьем. Иллиана даже сперва мстительно решила не мыться, не менять одежду и встретить Хетриана прямо в таком виде. Но проходить еще несколько часов с пауками и иголками за шиворотом было слишком большой платой за недоумение на лице ростовщика. Поэтому она все же приняла ванну и переоделась.

Маму решила не расстраивать, сказав, что все в порядке и проблему удалось решить.

– К тебе Фендор заходил, – бросила та, скрываясь в своей комнате. Вечером у женщины часто ныли суставы, и она предпочитала проводить время у камина за чтением. – Просил передать, что соскучился.

Иллиана передернула плечами, вспоминая друга, который частенько заходил к ней в лавку поделиться свежими сплетнями и просто поболтать. Сейчас девушке определенно было не до него. Если завтра она еще останется живой и здоровой владелицей лавки специй, вот тогда, может быть, пригласит его в гости.

Раньше Фендор ей даже немного нравился. Но почему-то после встречи с мираем думать о рыжеволосом парне вовсе не хотелось.

Чем ближе был заветный час, тем сильнее переживала Иллиана. Представляла, как у стены ее уже ждет наг. Практически видела, как вспыхивают и темнеют от ярости его красивые золотые глаза.

От этой мысли сперва бросало в жар, затем – в холод.

Однако примерно за час до заката в дверь лавки неожиданно постучали. Девушка взглянула на старые механические часы, висевшие на стене, и нахмурилась. Для визита ростовщика было еще довольно рано.

Она неторопливо подошла к двери и повернула ручку.

В груди бешено стучало сердце, ладони стали влажными.

Предчувствие не обмануло Иллиану. На пороге стоял вовсе не Хетриан Панс.

Рослый мужчина в дорогой одежде вежливо поклонился девушке, прикоснувшись кончиками пальцев к груди, и неторопливо вошел в лавку. На госте был довольно яркий кафтан из плотной желтой ткани, расшитой черными завитушками, черные бриджи и сапоги из тонких ремешков. На голове у него оказалась надета маленькая лимонного цвета шапочка, которую он тут же снял.

Иллиана обратила внимание, что длинные серо-русые волосы незнакомца были заколоты недешевой золоченой заколкой. Это в очередной раз натолкнуло девушку на единственное разумное объяснение странному виду этого мужчины: он принадлежал Верхнему городу.

В виски ударила кровь. В ушах застучало.

Это не могло быть просто совпадением! За все свои двадцать лет в их квартал ни разу не забредал никто, кто принадлежал бы миру мираев. Да, в Верхнем городе жили люди, но их было ничтожно мало. А еще Иллиана до сих пор не была уверена в том, что перед ней человек. Ведь без своих хвостов наги ничем не отличаются от людей!

Сглотнув ком в горле, девушка улыбнулась и проговорила: – Доброго вечера, муссер. Желаете чего-нибудь?

Мужчина окинул лавку странным пристальным взглядом, по очереди останавливаясь на сухих травах, вениками висевших под потолком, на склянках с уже готовыми перетертыми

приправами и на еще свежих, недавно собранных ингредиентах, лежащих на специальной витрине в крупных мисках.

– Да, возможно, – ответил он медленно и посмотрел в глаза девушке. Его узкие ноздри еле уловимо дернулись. – Вы – Иллиана Тангрэ.

Девушка так и не поняла, вопрос это был или утверждение, таким странным тоном он это сказал. Но на всякий случай кивнула, нервно перебирая пальцами манжет собственного платья. А затем, заметив, что мнет ткань, убрала руки за спину, вытянувшись по струнке.

– Что ж, – протянул мужчина. – Мне нужно у вас купить что-то...

Снова сказал так, словно сам не знает, чего хочет.

Окинул ленивым взглядом стены, так ни на чем и не остановившись.

– Вы ищете что-то конкретное? – уточнила Иллиана, шагнув вперед. Все же специи были ее коньком, и она всегда готова была помочь покупателю найти то, что он ищет.

Мужчина снова бросил на нее неопределенный взгляд, и на этот раз Иллиана заметила, что у него были необычные серые глаза. С таким насыщенным серебристым отливом, что напоминали жидкое олово.

– Ну... а что у вас есть? – спросил он и явно приготовился слушать.

Девушка приподняла бровь, но не стала выказывать удивления. Мало ли какого клиента к ней занесло? У богатых

свои причуды. Вдруг этот мужчина все же не имеет никакого отношения к ее вчерашней встрече с мираем?

— О! В лавке специй Тангрэ есть все или почти все, — улыбнулась она, произнося фразу, которую произносила уже тысячу раз. — От самых простых до более редких и даже уникальных. Из недорогих: укроп, петрушка, лавр, кинза, чеснок, лук, тимьян, эстрагон. Подороже: все виды перца, сладкий зеленый, мирийский огненный, земляной черный и прочие. Есть приправы высокого класса и сборы для разных блюд. Розмарин, фенхель, мелисса, мята. Есть корни тысячелистника, пастернака, мандрагоры...

В этот момент мужчина резко вздернул руку, сдвинув брови.

Иллиана замолкла, оборванная на полуслове.

— И сколько это все стоит?

— Что именно? — не поняла девушка.

— Вот это вот... — мужчина неопределенно взмахнул рукой.

— Ну... Мешочек сушеного перетертого чеснока, например, тридцать медных контиев, а вот пурпурный базилик — сорок пять серебряных каскавелов.

Мужчина сжал губы и еле заметно сморщил нос, после чего Иллиана опять замолчала, чувствуя, что говорит что-то лишнее.

И когда странный гость вновь открыл рот, чтобы заговорить, дверь лавки распахнулась, пропуская улыбающегося во

весь рот Хетриана Панса.

На невысоком ростовщике был надет лиловый жилет с блестящими пуговицами, синяя рубашка и по-щегоольски броские фиолетовые штаны.

Видеть на пухлом Хетриане все эти яркие цвета было ужасно непривычно. Ткань выглядела дорогой, но ее оттенок так замечательно сочетался с нездоровым цветом лица своего носителя, что общее впечатление о ростовщике складывалось весьма плачевное.

Однако сам муссер Панс явно не чувствовал себя некомфортно. По крайней мере, до тех пор, пока не встретил в лавке странного гостя Иллианы, чей костюм, в отличие от его собственного, выглядел идеально.

– Здравствуй, моя девочка! – поприветствовал ее Хетриан, одновременно окидывая незнакомца с ног до головы неприветливым взглядом.

Иллиана поморщилась от обращения «моя девочка», но ничего не сказала.

Увы, похоже, Хетриан у себя в мыслях уже сделал с ней все, что планировал на сегодняшний вечер.

– Ты уже собралась? Нам пора выходить, я заказал столик в «Бараньей голове». Нас уже ждут.

Странный гость тоже бросил на ростовщика весьма неблагосклонный взгляд, который, впрочем, был гораздо короче и ленивей. Хетриан явно не вызывал у него никакого интереса.

– Подожди немного, – с вялой улыбкой проговорила Ил-

лиана, – я сейчас обслужу гостя и выйду.

Хетриан кивнул, сложил руки на груди и, поискав глазами стул, торопливо на него уселся.

Незнакомец в это время приподнял бровь, внимательно глядя на девушку, и спросил:

– Вы торопитесь?

Иллиана замялась, испытывая ужасно неловкое чувство и совершенно не понимая почему.

– Да... – тихо проговорила она, повернувшись спиной к Хетриану, – нам нужно с муссером Пансом решить некоторые... деловые вопросы.

– А муссер Панс у нас?... – начал вопрос гость.

– Ростовщик, – закончила девушка, краснея, как вода от вареной свеклы.

Мужчина слегка покивал головой, вернувшись взглядом к приправам на стене, и через пару мгновений уже с гораздо большим интересом, чем прежде, спросил:

– А есть ли у вас особенно редкие приправы?

– О, конечно, – пробубнила девушка, чувствуя, как ее бросает в жар.

– Какие?

– Ну, вот пурпурный базилик, огненный перец, коробочки кардамона, мускатный цвет, палочки орхидеи, ваниль...

– Не перечисляйте, – снова оборвал ее гость. – Складывайте сразу в ящик, я все беру.

– Все? – округлила глаза Иллиана, а Хетриан позади нее

вдруг встрепелся, заерзав на стуле. Деревянные ножки скрипнули.

– Да, все.

– А сколько?

– Скажем... по десять мешочков каждой приправы, – взмахнул он рукой в воздухе, словно ему это было вообще без разницы.

У девушки все слова застряли в горле. Она быстро юркнула под прилавок, доставая большой сортировочный ящик, в котором хранились готовые специи, и стала торопливо, но осторожно укладывать туда товар, перечисляя:

– Пурпурный базилик – десять мешочков...

Гость молча кивнул.

– Огненный перец – десять мешочков, коробочки кардамона – ой, их всего три, это очень редкая приправа!

– Кладите что есть, – спокойно проговорил мужчина.

Иллиана поспешно кивнула и буквально через пару минут до отказа набила ящик холщовыми мешочками с логотипом «Тангрэ».

Под конец руки девушки мелко тряслись, а сама она не могла поверить, что все это происходит.

– Сколько с меня? – спросил гость, оглядывая ее спокойным, но достаточно острым взглядом.

– Семьдесят три аспиды, шестьдесят контиев и сорок каскавелов, – дрожащим голосом ответила она.

Это была огромная сумма, которую ее лавка способна за-

работать не менее чем за три месяца. И это в три раза больше, чем долг, который ей осталось выплатить Хетриану.

– Что тут происходит? – наконец слез со стула ростовщик и беспокойно засеменил к ним.

Гость бросил на него тяжелый презрительный взгляд и протянул девушке тяжелый мешок монет, даже не озаботившись отсчитать нужную сумму.

Иллиана развязала веревочки и тихо ахнула, заметив, что внутри были лишь золотые аспиды.

– Но тут гораздо... – промямлила она.

– Что такое, Иллианочка? Мы идем с тобой в трактир или нет? – визгливо спросил Хетриан, явно чувствуя, что дело поворачивается не так, как он рассчитывал.

– Думаю, что нет, – на этот раз уверенно ответила девушка, тут же доставая из мешка двадцать пять золотых и протягивая их ростовщику. – Прости, Хетриан, вот долг. Боюсь, что я не смогу с тобой никуда пойти. Увы, очень много дел. Но, может быть, в другой раз...

Все внутри нее ликовало, не веря в свалившуюся удачу. Губы то и дело подрагивали, пытаясь уехать к ушам.

На лице ростовщика, напротив, застыло жестокое разочарование.

– Ты уверена, Иллианочка? – пробубнил он. – Как же это?.. А вдруг деньги поддельные?

Он даже демонстративно попробовал одну монету на зуб, но тут же побледнел, встретившись с похолодевшим сереб-

ристым взглядом покупателя.

Что-то в лице этого незнакомца было столь резким и опасным, что Иллиана вздрогнула, а Хетриан решил не развивать тему.

– Ладно-ладно, я пойду тогда, – зачастил ростовщик, нервно оглядываясь на странного покупателя. И тут же скрылся за дверью, даже забыв попрощаться со своей зазнобой.

А гость в свою очередь схватился за ящик, который только что приобрел.

– Спасибо за покупку, – радостно улыбнулась Иллиана, сжимая мешочек с оставшимися деньгами.

Мужчина еле заметно улыбнулся и кивнул, поворачиваясь к двери.

– Погодите, а, кстати, зачем вам так много приправ? – вдруг остановила его Иллиана, испытывая острую необходимость задать этот вопрос.

Мужчина медленно повернулся, и его серебряные глаза блеснули.

– Скажем так... мой хозяин очень любит... специи, – неторопливо проговорил он и еще несколько секунд неподвижно стоял в дверях, не сводя пронзительного взгляда с девушки.

По спине Иллианы прокатилась дрожь.

– А вам, я полагаю, нужно торопиться, – тихо, но с нажимом закончил он и лишь после этого развернулся и покинул

лавку.

Иллиана выдохнула, не веря, что услышала это. Затем посмотрела на часы и ахнула. Кинула деньги в тумбочку под прилавком, схватила тонкий темный плащ с капюшоном и бросилась к выходу.

– Мама, я буду поздно! – крикнула, уже выходя из дома и закрывая дверь на ключ. Боясь, что уже опоздала.

Боясь, что успеет...

И через полчаса оказалась у заветной стены.

Глава 3

Когда Иллиана высунула голову из отверстия с другой стороны стены, на небо уже медленно вползал бледный диск луны. Закат цвета красных апельсинов тонул в безупречной глади озера, растянувшегося на другой стороне. А в самом низу ее уже ждал *он*.

Мужчина стоял по грудь в воде и, задрав голову, смотрел на нее.

– Вы ждали меня... – выдохнула Иллиана, и ее щеки мгновенно порозовели. Сердце пропустило удар и тут же застучало быстрее.

– И делал это дольше, чем планировал, – спокойно ответил мирай, приподняв бровь и не сводя с девушки глаз, в которых золотилось заходящее солнце.

Иллиана громко сглотнула ком, возникший в горле. Она пыталась найти в мужчине признаки того, что он злился на нее за опоздание. Ведь его слова говорили именно об этом. Однако лицо мирая было абсолютно безмятежно. Только в приподнятых уголках губ застыло что-то неуловимое.

Черные волосы нага сегодня были собраны особым образом. Спереди пряди заплетены в тонкие косички и скреплены на затылке, а сзади оставались распущенными, падая на мощные обнаженные плечи.

Иллиана заглянула сквозь толщу прозрачной воды, пыта-

ьясь отыскать огромный хвост, но его не было. Вместо этого ей виднелись чуть размытые рябью бедра и ноги.

– Простите, – бросила она и быстро заозиралась по сторонам, пытаясь понять, как ей отсюда спуститься.

Ближайший берег оказался в нескольких метрах правее.

– Прыгай, – тут же сказал мирай и протянул руки прямо к ней.

И на тот раз Иллиана уже была уверена, что он сдерживает улыбку, потому что его губы вновь дрогнули.

Девушка задержала дыхание, чувствуя, как от этих едва заметных изменений в его лице по спине пробегает волна мурашек.

А ведь она едва увидела его. Только раз взглянула в его глаза.

И уже не могла оторваться.

Только сердце бешено колотилось, напоминая, что перед ней не человек, а наг. Мирай, принадлежащий к расе Великих змеев.

Мужчина, чей мир никогда не станет ее собственным.

– Прыгай, – мягко проговорил он, но в его голосе девушке послышалась привычка повелевать. Иллиана не знала, у всех ли мираев такие голоса. Но этому хотелось подчиняться без вопросов и возражений.

Потому она закрыла глаза, набрала в грудь побольше воздуха и прыгнула, рассчитывая вот-вот уйти с головой под воду.

Но этого не произошло.

Впрочем, платье она все же намочила, потому что приземлилась аккуратно на руки мужчины. Он ее хоть и удержал, но из-за силы тяжести немного опустил в воду.

Раздался плеск, брызги разлетелись в разные стороны, каплями падая на лицо мирая и ее собственное. Иллиана не удержалась и рассмеялась, открывая глаза и инстинктивно обхватывая мужчину за шею.

Оказывается, он тоже улыбался. Блеснули золотые глаза, мягкие губы, очутившиеся так близко, растянулись, намертво приковывая к себе взгляд. И девушка замерла, боясь вздохнуть от щемящего чувства в груди, что начало расти с сумасшедшей скоростью. Распирая, нервируя, разгоняя кровь по венам.

К щекам прилила краска, в голове стучало только одно слово:

«Мирай...»

А в следующий миг он вдруг перестал улыбаться. Медленно его глаза вспыхнули и потемнели, а взгляд опустился к ее губам.

Пьяняще-остро, волнительно.

Он разглядывал ее, поедая глазами не более секунды. А потом вдруг наклонился и жадно впился в пересохший от волнения рот, словно голодный зверь. Проник внутрь языком, будто хотел ее целиком и полностью. Будто одно ее дыхание, едва касающееся его кожи, сводило его с ума.

Иллиана никогда еще не чувствовала, чтобы ее кто-то желал *вот так*. Даже Хетриан со своими вполне недвусмысленными стремлениями, казалось, хотел чего-то другого. Чего-то противного и грязного. И вовсе не того, что творил с ней этот мужчина.

Дыхание перехватило в груди девушки. Губы Великого змея оказались настолько мягкими, обжигающе-сладкими, что голова начала кружиться. По всему телу будто прошел грозовой разряд, оголяя каждый нерв, взвинчивая чувствительность, переворачивая внутренности.

А мирай тем временем, продолжая держать ее на руках, медленно развернулся и двинулся к берегу, лишь через несколько долгих, невероятно долгих секунд разрывая их поцелуй.

Его взгляд после этого стал еще более темным. Иллиана заметила, что зрачок снова начал вытягиваться. Но, моргнув пару раз чуть дольше обычного, мужчина глубоко вздохнул и отвернулся, будто нарочно стараясь на нее не глядеть. Грудная клетка несколько раз поднялась и опустилась, а затем взгляд мирая вновь стал привычным.

Только Иллиана еще не могла прийти в себя, держась за его шею. Она чувствовала его сильные руки, вдыхала его тонкий, немного пряный аромат, от которого кружилась голова. И внутри нее все сильнее разгорался жгучий и такой неправильный огонь.

Желание.

Чувство, к которому она совершенно не привыкла, которое было для нее чужим.

А еще Иллиана ощущала себя пойманной ланью. Не могла отделаться от ощущения, что она – как игрушка, в которую собираются играть. Которую будут использовать так, как захотят.

Ведь мираям не отказывают.

И, по-хорошему, ей нужно было бы бояться. Расстраиваться, плакать, пытаться найти способ убедить мирая оставить ее.

Но по-настоящему страшно было то, что ей этого не хотелось. Она смотрела в золотые глаза Великого змея, вспоминала его огромный черный хвост, сверкающий солнечным авантюрином, и снова хотела прикоснуться к нему. Хотела почувствовать на себе горячие губы и узнать: что же такое он будит внутри нее?

Иллиана понимала, что именно так бабочки и летят на огонь. Но ничего не могла с собой поделать. Этот огонь был слишком привлекателен.

В это время мирай поставил ее на ноги, повернулся, и, словно по молчаливому приказу, из кустов вышли двое мужчин в дорогих, но одинаковых одеждах. На тканях преобладали желтые и черные цвета, точно так же, как у богатого покупателя, что сегодня навещал лавку специй. Девушка отметила это мгновенно, делая правильные выводы. Подтверждая прошлые догадки. Все это были слуги ее мирая.

Двое мужчин несли в руках расшитый серебряными нитями и жемчугом наряд. По кивку хозяина они повернулись к Иллиане и, разом упав на одно колено, протянули его ей.

– Что это? – удивилась девушка, опасаясь притрагиваться к столь дорогой ткани.

Закатные лучи играли на маленьких сферах жемчуга, окрашивая белый перламутр в желтовато-алые оттенки, что так восхитительно сочетались с нежно-голубым цветом платья.

– Это твой наряд. Надевай, – легко бросил мужчина, словно в этом не было ничего особенного.

Иллиана задержала дыхание и на миг закрыла глаза, понимая, что сейчас сделает то, чего делать нельзя. А затем выдохнула:

– Не буду.

– Что? – резко развернулся мирай, уже успевший к этому моменту принять из рук слуг кафтан насыщенного синего цвета. По краям наряд был расшит золотыми нитями, сплетающимися в причудливые завитушки и узоры. Кое-где Иллиана заметила вставки из золотых бусин и ограненных рубинов.

На лице мужчины застыло такое глубокое мрачное удивление, что вокруг будто стало темнее. В воздухе словно разлилось предгрозовое напряжение. Казалось, вот-вот над их головами сверкнет молния и раздастся удар грома.

В эту секунду Иллиане как никогда прежде стало ясно,

что рядом с ней мирай, а не обычный мужчина. Она посмотрела в его золотые глаза, запретные для людского взгляда, и почувствовала, как подрагивают кончики пальцев.

– Вы думаете, это так легко: переодеться перед незнакомым мужчиной? – неровным голосом спросила она.

Напряженный взгляд мужчины немного посветлел, но не стал менее жестким. Иллиана в очередной раз поняла, что этот мирай привык к подчинению, несмотря на вечно застывшую в уголках его губ улыбку, которая заставляла ее чувствовать себя излишне расслабленной, а его лицо делала таким загадочно-привлекательным.

Несколько секунд мирай молчал, шаг за шагом приближаясь к девушке. Его глаза опасно сузились, сверкнув раскаленным добела золотом.

Иллиана опустила взгляд, опасаясь, что именно сейчас лучше вернуться к общепринятым формам общения между мираями и людьми.

Мужчина остановился, лишь когда между ними осталось не более пары миллиметров. Сперва она ощутила его дыхание, и лишь затем его пальцы коснулись ее подбородка, пустиив под кожу поток искр. Он заставил ее запрокинуть голову и посмотреть на себя. А затем выдохнул практически ей в губы:

– Ты должна подчиняться каждому моему слову, Иллиана. – И его голос звучал как звон металла. Не горячо и не холодно. Лишь предупреждающе, опасно ровно. – Таковы пра-

вила.

И девушка поняла как никогда ясно: он не угрожал. Он лишь констатировал факт, а у нее не было иного выхода, кроме как подчиниться.

– Ясно? – спросил он через мгновение, и голос на секунду стал бархатистым. Будто случайно. А большой палец скользнул по ее губам, отчего по коже девушки тут же хлынула волна мурашек. Затем он моргнул и убрал руку.

– Ясно, – кивнула она, взяв наряд и с ужасом думая о том, как сейчас станет раздеваться под пронизывающим золотым взглядом нага.

Краска залила щеки.

Но мужчина неожиданно прищурился и едва заметно усмехнулся.

– Я отвернусь. Тебе не о чем беспокоиться, – проговорил он вдруг.

А затем его мягкие губы снова дрогнули в едва заметной улыбке.

У девушки перехватило дыхание, но от сердца мгновенно отлегло. Впрочем, до того самого момента, как он с усмешкой не добавил:

– Пока что не о чем беспокоиться...

Резко развернулся и отошел на пару шагов в сторону, натягивая кафтан. Так, словно потерял к ней всякий интерес.

Но Иллиана уже поняла, что на сегодняшнюю ночь мирай задумал для нее не простую прогулку.

И не ошиблась.

Как только девушка стыдливо скинула одежду и набросила на плечи тяжелое богатое платье, застегивающееся спереди, к щекам еще сильнее прилила кровь. По очереди Иллиана защелкнула каждую серебряную застёжку-крючок и тут же почувствовала себя ужасно странно. Жесткая и прочная снаружи ткань изнутри оказалась мягкой, как облако. Многочисленные бусины и драгоценные элементы хоть и казались громоздкими, но ничуть не мешали. Иллиана ощущала себя самой настоящей царицей и одновременно обезьянкой, наряженной в красивый колпак с бубенчиками.

– Мне это... не подходит, – прошептала она, проведя ладонью по ткани на животе. Маленькие бусинки щекотали ладонку и переливались на солнце.

– Еще как подходит, – раздался сбоку мужской голос, ставший внезапно глухим.

Иллиана резко повернула голову и встретилась с его взглядом. От восхищения в его потемневших глазах хотелось спрятаться. А еще – улыбнуться широко и счастливо.

Сердце гулко забилося в груди.

В голове мелькнули вопросы, мгновенно всколыхнувшие кровь: «Как долго мирай уже смотрит на нее? Как много он успел увидеть?»

Но девушка не осмелилась озвучить их. Лишь сильнее покраснела, с постыдным трепетом представив, как отражалось ее обнаженное тело в его золотых радужках.

Было ли это красиво?

— Пора ехать, — проговорил он, поправив широкий пояс с золотым шитьем.

Кафтан доставал ему до середины бедер, внизу немного расходясь в стороны, словно юбка. Ноги были облачены в светлые штаны, заправленные в высокие мягкие сапоги из крокодиловой кожи.

— Ехать? — переспросила Иллиана, не понимая, как можно на чем-то ехать, если ты посреди леса.

Несмотря на то, что сейчас они уже находились в черте Верхнего города, здесь все еще продолжался лес. Он был уже не столь густой, как за стеной, но все еще труднопроходимый для кареты, например.

Однако после слов мирая на берег озера из чащи снова вышли, склонив головы, слуги. Только на этот раз их было уже шестеро и на плечах они держали небольшой укрытый тонкими полупрозрачными тканями паланкин.

Мирай подошел к ошеломленной Иллиане и протянул ей руку, приглашая садиться. Слуги опустили паланкин на землю, и девушка сумела войти внутрь вместе с нагом.

Когда они сели друг напротив друга на мягкие диваны, а паланкин резко поднялся в воздух и двинулся вперед, оказалось, что мирай смотрит на нее и улыбается. Иллиана смущенно опустила взгляд, прикусив губу. Она и хотела бы, чтобы ее удивление не так сильно отражалось на лице, не светилось в широко распахнутых глазах. Но вряд ли это было

возможно. И теперь ей казалось, что для Великого змея она смешна.

– Мне нравится твое смущение, – вопреки всему тихо проговорил мужчина, когда они уже спокойно ехали вперед и за воздушным тюлем медленно исчезали, оставаясь позади, деревья.

Иллиана вдохнула и задержала дыхание. Она кожей чувствовала его жгучий, внимательный взгляд, скользящий по ней, как... павлинье перо. Он изучал ее, ласкал, словно едва заметно щекоча. И одного этого взгляда ей хватало, чтобы кровь в венах начала закипать.

– Зачем вы подарили мне это платье, мирай? – спросила она, решившись вновь поднять глаза. И тут же вздрогнула. Потому что видеть пристальный взгляд и чувствовать его на себе оказалось не одно и то же. Теперь все ощущалось гораздо сильнее.

– Подарил? – иронично приподнял бровь наг.

Иллиану бросило в жар.

– Нет, ну... я подумала... – замялась она, не зная, куда себя деть.

– Конечно, подарил, – тут же проговорил он, склонив голову набок и явно с удовольствием наблюдая за ее смущением. – Успокойся.

Девушка глубоко вдохнула и выдохнула, чувствуя, как кружится голова.

– Так зачем? – снова задала она вопрос.

– А тебе бы понравилось гулять голой? – с новой усмешкой спросил он. – Я-то не против, конечно. Но мне показалось, что это не слишком... удобно.

– Но как же, – пробубнила она, – у меня же было платье...

– Мокрое, – пригвоздил он, с улыбкой оборвав ее на полуслове. – В мокром я не позволил бы тебе гулять. Ночи в Шейсаре не настолько теплые. Если это, конечно, не ночи в чьей-то постели.

На последних словах Иллиана широко открыла глаза и от изумления распахнула губы. Ее грудная клетка высоко поднималась и опускалась, демонстрируя крайнее волнение. И девушка ничего не могла с этим поделать.

Этот мирай мастерски играл на ее нервах, то пугая, то смущая, то сводя с ума одной своей улыбкой, таявшей на полных, чувственных губах.

Мужчина, видя ее реакцию, улыбнулся еще шире, скользя взглядом по алым щекам, шее и груди, призывно виднеющейся в ворота платья.

– Кроме того, ты не можешь появляться в обществе в моей компании в собственной одежде, – добавил он, и теперь девушка видела, что, несмотря на блуждающую улыбку, мирай был абсолютно серьезен.

– Почему? – спросила она, скрывая стыд и беспокойство. Стоило только представить, что ее наряд мог опозорить мирая, как хотелось сгореть на месте.

Несколько мгновений мужчина молчал, а потом ответил:

– В городе мираев принято одеваться особым образом. Твоя одежда демонстрирует твой статус. В нашем случае – мой статус.

Иллиана затаила дыхание. Неужели сейчас удастся узнать об этом мужчине больше? Кто он? Что собой представляет? Насколько сильно она должна бояться его?

Несмотря на то, что законы Шейсары и были созданы таким образом, что люди в них были существами второго сорта после нагов, все же определенные права они имели.

Хотя, стоило признать, Иллиана понятия не имела – какие именно права.

– А какой у вас статус, мирай? – затаив дыхание, спросила она.

Мужчина вдруг резко подался вперед.

Девушка не успела ахнуть, как его лицо уже было в нескольких миллиметрах от ее. Золотые глаза вспыхнули в полумраке, а такие манящие губы больше не улыбались.

В висках застучало. Дыхание застряло в горле.

Мирай поднял ладонь и провел пальцами по ее щеке, очертив овал лица.

Ресницы Иллианы дрогнули, мурашки табуном промчались по спине.

Тонкий, еле уловимый аромат нага ворвался в ее легкие. Аромат, который был значительно слабее, чем человеческий. Но мягче и насыщенней сладкими, пряными и свежими нотами, которые мог уловить лишь чувствительный

нос девушки. Остальные люди, Иллиана знала, таким обонянием не отличались. Вряд ли они и вовсе ощутили бы запах мирая.

Девушка закрыла глаза, инстинктивно приоткрыв рот, вдыхая этот запах, пропуская через себя.

Почти чувствуя, как Великий змей касается ее.

– Задай другой вопрос, – прошептал он медленно, скользя губами по ее губам. Едва заметно. Дразня, но не целуя.

Иллиана распахнула глаза, чувствуя, что воздуха не хватает, потому что она вдруг замерла, забыв, как дышать.

– Как вас зовут? – тут же спросила, не отстранившись ни на миллиметр. Своими губами касаясь его в ответ.

В этот момент мирай вдруг выдохнул и, закрыв глаза, впился в ее рот поцелуем. Снова проник в него горячим языком всего на пару коротких секунд, будто хотел урвать сокувище.

И снова отстранился. В тот самый миг, когда Иллиана уже чуть было не подняла руку, чтобы коснуться его черных, струящихся по плечам волос.

Дразнил.

Играл.

Брал то, что хотел...

Иллиана чувствовала, что это было лишь начало.

Девушка выдохнула и откинулась на спинку дивана, сделав вид, что ничего не произошло. Что мгновение назад он не довел ее до безумия одним лишь коротким поцелуем.

– Торриен, – ответил он в этот момент.

И странное, резкое воспоминание резануло сознание девушки.

Она знала это имя! Слышала его раньше! Но где именно?

Мозг отчаянно искал ответ на этот вопрос и не находил его.

Иллиана вновь посмотрела в смуглое лицо нага, вглядываясь в сильные, местами резкие черты. Четко очерченные губы, прямая линия носа, уверенный подбородок. Под густыми бровями – глубокие, пронзительные глаза, от взгляда которых по позвоночнику бьет дрожь.

Этот мужчина оказался не простым нагом, раз она слышала его имя. Но кем именно он был, оставалось загадкой.

– А куда мы едем, мирай? – спросила она осторожно.

– Когда мы наедине, можешь звать меня по имени, – вдруг ответил он. – И на «ты».

– Но как же?.. Я не могу, – покачала она головой, только представив, что скажет ее мать или Фендор, когда она ведет им, что подружилась с мираем и перешла с ним на «ты».

Скажут, что дура, запрут в доме. А то и вовсе заставят переехать куда подальше, собрав вещички.

Только от нагов не сбежать. Особенно от этого – Иллиана чувствовала это кровью.

– Я так хочу, – вдруг произнес он, и от мурлыкающего, мягкого, но одновременно властного приказа в груди девушки все перевернулось.

«Хочу...» – еще несколько секунд стучало в ушах, низко вибрируя, скручиваясь узлом под желудком.

«Хочу...»

Иллиана, громко сглотнув, кивнула.

– Куда мы едем, Торриен? – повторила вопрос она, и в тот же миг золото в его глазах вспыхнуло.

Словно ему понравилось.

Девушка задержала дыхание, понимая, что ей тоже понравилось. Имя мирая перекатывалось на языке, ласкало ее изнутри. Мягкое, рычащее, волнующее.

«Торриен»...

Да, она будет звать его по имени просто потому, что это приятно. Это доставляет удовольствие.

В этот момент мужчина наконец ответил.

– А куда ведут девушку, когда хотят ее соблазнить? – спросил он, коварно усмехнувшись.

Иллиана мгновенно вспыхнула.

– На... постоянный двор? – предположила, боясь услышать положительный ответ.

Торриэн откинул голову назад и заливисто рассмеялся. Затем выдохнул и с легкой улыбкой ответил:

– Я хочу поужинать с тобой.

– Поужинать? – почти расслабилась она. – Значит, трактир?

– Ресторан. Лучший в Верхней Шейсаре.

– Я никогда не была в ресторане, – бесхитростно заметила

она.

В этот момент за тонким тюлем постепенно начали вырастать огромные великолепные дома, укрытые ночным мраком, улицы, мощенные гладким камнем.

Носильщики стали идти гораздо ровнее, и паланкин почти не трясло.

Иллиана заглядывала сквозь полупрозрачную ткань, силась рассмотреть хоть что-то. Любопытство со страшной силой снедало ее изнутри. Она даже отодвинула немного штору, но, к сожалению, ночная мгла скрывала слишком многое, и девушка видела лишь общие очертания.

– И в Верхнем городе тоже не была, – добавила она, рассматривая куполообразные крыши, блестящие металлом в лунном свете. Бассейны и фонтаны, в жерлах которых в этот час замерла вода.

– И это очень выгодно для меня, – хитро, но по-доброму улыбнулся мирай, незаметно наблюдая за ней.

– Почему? – на миг отвлеклась она от созерцания Верхнего города.

– Будет легче тебя удивить, – просто ответил он.

– А разве мираям нужно удивлять женщин? Ведь вы можете брать то, что захотите, – произнесла она раньше, чем успела сообразить.

И тут же закрыла ладонью рот.

Улыбка исчезла с губ мирая, но взгляд стал еще острее, пронзительней.

– Знаешь, – медленно проговорил он, не сводя с нее золотых глаз. – Я мог бы убедить тебя в обратном. Но тебе будет лучше думать именно так.

С этими словами он отвернулся, а Иллиана так и не поняла, что он имел в виду.

Некоторое время они ехали в тишине, и девушка могла спокойно осматривать окрестности, пытаясь предугадать, где остановятся носильщики и как выглядит ресторан в городе мираев.

Улицы были пустынные и чисты. Нигде не валялся мусор, и Иллиана была почти уверена, что днем дворники здесь и вообще моют мостовые с мылом. Потому что в воздухе не ощущалось даже отголосков запахов, присущих человеческому городу: нечистоты, крысы, сгнившие остатки еды.

Одновременно она вновь попыталась вспомнить, кому из мира мираев принадлежит имя Торриен. О влиятельных и высокопоставленных нагах девушка знала не так уж много, потому что мираи скрывали свою жизнь от людей. И сейчас Иллиана могла вспомнить имена лишь троих: царя Аджансара, его первого сына Дарьеша и, как ни странно, главного жреца мираев, казиса Саримарха, слывшего среди людей жестоким и опасным нагом. Имя Торриен так и осталось неузнанным, застыв где-то на кончике языка.

В это время паланкин наконец подъехал к высокому зданию, освещенному изнутри желтовато-розовыми огнями. Низкие балконы, увешанные гирляндами из золотых монет,

манили заглянуть внутрь, присесть на мягкие белоснежные диваны и плетенные из лозы кресла.

– О, светлейшая чета, куда мы пришли? – ахнула девушка, когда паланкин остановился.

Торриен вышел из него и предложил ей руку.

– Это «Колыбель луны», – тут же отозвался мужчина. – Лучшее заведение всей Верхней Шейсары.

Иллиана не могла оторвать глаз от этого дивного места. Если сам город нагов по большей части был погружен во тьму и разглядеть красоты не слишком получалось, то здесь ее глазам будто предстало настоящее волшебство. Стены здания были сделаны из полупрозрачного белого камня, внутри которого словно проходили настоящие кровавые жилы. Но это не выглядело пугающе, напротив. Алые нити сверкали желтовато-оранжевым светом, делая весь ресторан похожим на большой мерцающий во тьме гриб. Купол крыши отражал лунный свет алмазными гранями на серебряной поверхности. Витые колонны, поддерживающие балконы, были украшены выющимися цветами. Желтые бутоны распахнули свои лепестки так, словно сейчас было утро, а не глубокая ночь.

– Это великолепно, – выдохнула девушка, по инерции беря мирая, как своего кавалера, под руку.

Тот улыбнулся, не отводя от нее глаз, словно ловил каждую эмоцию. Каждый случайный жест.

У дверей в широком проходе их ждал... наг.

Иллиана широко распахнула глаза и на миг даже замешкалась. Длинный зеленовато-желтый змеиный хвост аккуратными кольцами лежал на пороге, спускаясь вниз по мраморным ступеням.

– Звездной ночи, – с поклоном проговорил привратник. – Рад видеть вас в нашей «Колыбели луны».

Торриэн чуть подтолкнул девушку, и вместе они двинулись вперед. Только Иллиана продолжала с изумлением рассматривать еще одного Великого змея в своем истинном обличье. А вообще-то, больше всего ее интересовал лишь его хвост. Впрочем, когда они подошли ближе, девушка посмотрела в глаза этого мирая и тут же поспешно опустила взгляд.

– Тебе не нужно опускать глаза при других нагах, – еле слышно шепнул Торриэн, чуть склонившись к ее уху.

– Не нужно? – удивилась она, но в этот момент они сравнялись с привратником.

– Мирай, хасси, – дважды поклонился тот, когда они прошли внутрь.

А внутри Иллианы словно что-то щелкнуло.

– Хасси? – тут же переспросила она, пока мужчина вел ее на второй этаж по широкой белокаменной лестнице, с правой стороны от которой расположился пологий пандус. Девушка сразу представила, как по нему вверх забираются гости, не желающие менять облик на человеческий. Почти вживую она увидела их длинные хвосты, струящиеся по гладкой поверхности. Хвосты, которым было бы так неудоб-

но на ступенях.

Здесь в стенах уже не пульсировали кровавые жилы, и свет лился с высоких напольных канделябров ровно и мягко.

– Хасси, – кивнул Торриен, искоса бросив на нее короткий странный взгляд и ничего более не объясняя.

– Но что это значит? – не сдавалась девушка, не желая на этот раз отступить.

– А ты как думаешь? – приподнял бровь мужчина, заводя ее на один из балконов, которые так понравились Иллиане, пока она стояла внизу.

– Любовница?.. – после некоторой паузы предположила она и тут же покраснела.

Жар прилил к щекам.

Она до сих пор не знала, что задумал в ее отношении этот змей. И чем для нее закончится вечер.

Нет, Иллиана не думала, что Торриену вздумается украсть ее и оставить при себе, никогда больше не позволив вернуться домой. Если какому-нибудь миру хотелось так поступить, по закону он обязан был забрать женщину из ее собственного дома, при этом оставив родственникам солидную материальную компенсацию. То есть по крайней мере сегодня заточение в Верхнем городе ей не грозило.

Но грозило ли что-либо другое?..

Иллиана боялась себе признаться, что от мысли, что Торриен может захотеть провести с ней ночь не только в прямом смысле, но и в переносном, у нее подкашивались ноги и тем-

нело перед глазами. Пульс начинал зашкаливать, а в тяжелом дорогом платье вдруг становилось узко и душно.

Она очень боялась.

Ее первым мужчиной не должен был стать наг. Ее первым мужчиной обязан был стать ее любимый, а не случайный мирай, которому вздумалось с ней поиграть.

Это неправильно. Это аморально и бесчувственно. Пошло, дерзко...

Желанно...

Рядом с Торриеном Иллиане казалось, что она пьяна и каждую секунду становится еще пьянее. Возможна ли любовь с первого взгляда? Существует ли она?

Если да – то именно это с ней и случилось.

Впрочем, думать об этом ей вовсе не хотелось.

Аккуратно усадив девушку за стол, мирай сел напротив нее и улыбнулся. Золотые глаза искрились весельем, и девушке казалось, что он кожей чувствует все ее страхи и переживания. Что читает ее как открытую книгу. От этого становилось еще более стыдно.

– Нет, хасси означает не любовницу, – ответил он наконец.

– А что же? – выдохнула Иллиана, положив локти на стол и даже немного подавшись вперед. В голове вспыхнуло очень похожее слово, которым ее в детстве назвал добрый мирай. Слово, услышав которое, Торриен вчера так разозлился.

«Сайяхасси»...

Быть может, прямо сейчас Торриен скажет, что они оба

означают?

Глава 4

В этот момент на их балкон зашел официант, молча, откупорил пыльную бутылку вина и, разлив по бокалам, поинтересовался:

– Вам как обычно, мирай?

Торриен кивнул, не глядя.

– А для вашей хасси?

– Принесите то, что восхитит гостью, – ответил он и бросил на официанта такой острый взгляд, что у Иллианы по спине пробежала дрожь.

Тот низко поклонился, так ни разу и не посмотрев в глаза ни мираю, ни его спутнице, и исчез за дверью.

Затем Торриен поднял бокал, в котором золотилось белое игристое вино, предлагая выпить.

– За самую красивую девушку Шейсары, за настоящее сокровище, которое мне довелось встретить...

Иллиана смутилась, но не подала виду. Подняла бокал и чокнулась им с мужчиной. Высокий звон в ночной тишине прозвучал даже слишком громко.

Девушка повернула голову и взглянула вниз с балкона. Здесь до земли было совсем недалеко. Высота второго этажа оказалась не больше двух метров – чуть выше человеческого роста. Сейчас внизу появились еще какие-то гости. И казалось: перегнись через перила – и дотронешься до них рукой.

В этот момент снова вернулся официант и поставил на стол какую-то ароматную рыбу в морепродуктах, огромную креманку мороженого, ужасно похожего на змейку в ежевике, миску свежих ягод и фруктов со сладкими взбитыми сливками и еще несколько блюд, на которые девушка смотрела с чуть меньшим восторгом, чем на предыдущие.

– У нас в Нижнем городе эти ягоды очень редки, – с придыханием проговорила она, окуная желтую морошку в змеиный хвостик от мороженого. – Должно быть, они стоят бешеных денег.

Сказала и бросила угощение в рот. Какой смысл отказываться от лакомства, если его все равно уже принесли?

– Это не то, о чем стоит беспокоиться, Иллиана, – мягко ответил наг и, заметив, как она зажмурилась от удовольствия, улыбнулся.

Затем она открыла глаза, поймала эту улыбку и покраснела.

Некоторое время мирай ничего не говорил, и девушке удалось относительно спокойно поесть. Кушать и правда хотелось. Она была голодна еще с обеда, когда вместо супа с утиными ножками пришлось съесть пару салатных листьев. А все потому, что весь день она провела в бесполезных поисках можжевельника для аптекарши Розы.

Когда первичный голод оказался утолен невероятными по своим вкусовым качествам блюдами, а Иллиана вернулась к своим любимым ягодам, мирай вдруг протянул руку и на-

крыл ее ладонь свой.

Мягкое прикосновение обожгло, стоило их коже соприкоснуться. Девушка вздрогнула и посмотрела на мирая широко распахнутыми глазами.

Ей ужасно захотелось убрать ладонь. Но не потому, что это было неприятно. А как раз наоборот.

Мирай сжал пальцы, и девушка опять начала ощущать, что все ее спокойствие и уверенность тают, как последний снег. Сердце вновь начало ломиться в ребра, стучать как ненормальное.

Золотой взгляд жег кожу.

Другой рукой Иллиана подняла бокал вина и отпила, пытаясь привести мысли на место.

В этот миг Торриен спросил:

– Скажи мне правду, о чем ты думаешь? – Несколько секунд молчал, глядя куда-то вглубь нее, а затем добавил: – Я смотрю в твои глаза и вижу два кристалла, чистых, как утреннее небо. Но я хочу не только наслаждаться их красотой, но и знать, что таится за их блеском. Мне кажется, ты боишься меня, Иллиана.

Короткая пауза, во время которой внутри девушки все перевернулось, а затем он снова повторил:

– Скажи мне, о чем ты думаешь?

И голос был такой бархатный, такой ласковый... Словно он упрасивал ее. Почти умолял.

Иллиана на миг зажмурилась, пытаясь понять, не кажет-

ся ли ей это. Зачем мираю о чем-то умолять ее? Простую девушку? Ведь он способен добиться всего, чего пожелает, всего лишь единожды приказав.

– А ты уверен, что хочешь это услышать? – прищурилась она, вдруг ощутив, как коварные пузырьки вина, наконец, сделали мысли легкими, как ветер.

На ее лице появилась улыбка.

Мирай скользнул потемневшим взглядом по ее губам.

– Если ты будешь продолжать улыбаться, то я готов услышать что угодно.

– Ну, ты сам виноват, – пожал плечами девушка и отпила еще глоток, прежде чем сказать. – Я думаю, ты специально обманываешь меня. Вводишь в заблуждение, скрываешь правду. Что бы я у тебя ни спросила, ты будешь молчать, потому что тебе это зачем-то нужно. И меня ты выбрал не просто так. А потому что я – сайяхасси, что бы это ни значило. Ты преследуешь какую-то цель, и я для тебя – лишь путь к ее достижению. Вот так я думаю!

Иллиана решила, что ее слова разозлят мирая. Она уже почти приготовилась к гневной отповеди. Но он продолжал спокойно пить вино и следить за ней. Отмечать каждое изменение ее лица, вслушиваться в слова и читать по ней больше, чем она была готова сказать.

Это вдруг выбило Иллиану из колеи.

– То есть ты не веришь в то, что просто интересна мне? – спросил он тогда, и на лице появилось дерзкое выражение. –

Что мне нравится твоя улыбка, что я покорен твоим смехом? Что едва держу себя в руках, когда вижу, как ты случайно прикусываешь губы или невзначай облизываешь их?..

На последних словах его голос стал таким густым и проникновенным, с легкой хрипотцой, нырнувшей прямо в ее легкие и прокатившейся по грудной клетке, что перед глазами девушки потемнело. Сердце подскочило к горлу, и волна тяжелого жара ухнула от желудка куда-то вниз, ударив там тянущей струной.

И все же она ответила:

– Не верю. Основная причина того, что я здесь, – она обвела рукой балкон, – не в этом.

– А что, если я отвечу на твои вопросы? – приподнял бровь мирай и чуть подался вперед. – Ты согласишься, что я говорю правду?

Золотые глаза опасно блеснули. Мужчина неспешно взял из вазы нектарин, поднес ко рту и откусил. Брызнул сок, и в тот же миг большим пальцем Торриен его стер, лениво сминая губу подушечкой.

Задержав дыхание, Иллиана выхватила это движение. Как замороженная она проследила за скольжением пальца, отмечая влажный сладкий блеск слегка ухмыляющегося рта.

– Смотря что ты ответишь мне, Тор-р-риен, – сказала она немного сбивчиво, случайно протянув его имя дольше, чем нужно.

И от этого его золотые глаза снова вспыхнули, а ей стало

еще жарче.

С каждой стремительной секундой они словно становились все ближе друг к другу. И происходило это странное сближение теперь не только по его инициативе.

Сама не поняла, как Иллиана включилась в эту игру.

Она тоже флиртowała с ним.

– Хорошо, я отвечу тебе на любые вопросы. Но с одним условием, – сказал тогда мирай.

– С каким же? – проговорила девушка, тоже наклонившись вперед и слегка улыбнувшись.

Торриену это понравилось. Он перевернул ее ладонь, которую накрывал своей, и мягко погладил.

– Все просто. Я хочу, чтобы за каждый отвеченный вопрос ты исполняла одно мое желание.

– Желание? – выдохнула она, усмехнувшись с легким возмущением. – Не слишком ли круто?

Только, по правде сказать, возмущение было большей частью наигранное. С каждым мгновением Иллиане становилось все веселее. Неуверенность и страх отступали.

Торриен тоже улыбался. Разве что его улыбка выглядела и была по факту гораздо опаснее, чем казалась.

– Да, – кивнул он. – Вот только я отвечу на любой твой вопрос.

Сердце девушки забило в горле.

Это был отличный шанс, которым просто нельзя не воспользоваться. Вот только что мужчина может попросить вза-

мен? Насколько велика окажется цена?

Иллиана колебалась.

Заметив это, мирай прищурился и проговорил:

– Давай начнем с малого. Ты задаешь мне какой-нибудь простенький вопрос, а я за это прошу тебя всего лишь присесть рядом со мной на диван.

Он махнул рукой на огромный плетеный диван, выложенный мягким белым матрасом и десятком подушек. Диван стоял с левой стороны от перил балкона, и оттуда можно было наблюдать за окрестностями.

– И все? – удивилась она.

– Все, – кивнул мужчина, и снова эта чарующая улыбка, от которой подкашивались колени. Улыбка, в которой девушке чудился охотничий азарт хищника.

– Хорошо, – тут же ответила она, быстро пересаживаясь на диван. – С простого – значит, с простого. Почему мне можно смотреть в глаза другим мираям?

Улыбка Торриена стала шире, под мягкими губами блеснули белоснежные зубы.

– Потому что ты – моя... спутница. Твой статус выше, чем у обычного человека. А если ты будешь опускать глаза, это автоматически поставит тебя на один уровень с прислугой.

Ответил и, схватив две миски – с ягодами и сливками, сел рядом с девушкой.

Иллиана и так догадывалась, что он не собирался располагаться на другом конце дивана, но то, что он полностью

соприкоснется с ней бедрами и закинет руку на спинку дивана, ей в голову не пришло. Теперь он имел возможность при желании касаться ее лица, дотрагиваться до волос...

...раз за разом пуская по ее телу крохотные разряды.

– Что ты попросишь за мой следующий вопрос? – решила заранее поинтересоваться девушка.

Такой формат игры ее устраивал: сперва – вариант оплаты, затем – вопрос. Если она пожелает.

Торриен не торопился отвечать.

Несколько секунд он смотрел на нее не отрываясь, словно изучал, запоминал. Впитывал. Затем взял одну крупную ежевику, обмакнул в сливки и положил себе в рот.

Иллиана замерла, чувствуя, что настроение беседы снова неумовимо меняется. Становится горячее.

Она попыталась сделать невозмутимый вид. Однако лицо загадочно улыбающегося мирая, его красивые изогнутые губы и спокойные глаза, мерцающие горячим золотом, слишком влияли на нее.

– В этот раз мы поступим иначе, – мягко проговорил Торриен, не сводя с нее пронзительного взгляда.

Взял новую ягоду, на этот раз малину, слегка обмакнул в сливки и снова положил себе в рот.

Иллиана напряглась. Похоже, не все будет так легко, как хотелось бы.

– Сперва ты задаешь вопрос, – продолжал он, с удовольствием поедая десерт, – затем я отвечаю и называю цену.

Неспешные движения мирая завораживали ее. И она не собиралась отступить.

Чтобы это доказать, Иллиана взяла ягоду морошки, по примеру Торриена окунула ее в сливки и поднесла ко рту.

Но неожиданно в самый последний момент мужчина перехватил ее руку.

Иллиана распахнула губы и застыла.

Расплавленное золото глаз мирая потихоньку начало темнеть. Время будто замедлилось.

Торриен приблизился к девушке, чуть склонив голову, и, не отрывая от нее взгляда, медленно поднес ягоду в ее руке к своим губам.

Иллиана боялась вздохнуть, следя за движениями мужчины так, словно от них зависела ее жизнь.

И в этот миг он положил морошку к себе в рот, обхватив губами и ее пальцы.

Словно молния прошила позвоночник девушки. Она лихорадочно вздохнула, набрав побольше воздуха в легкие, захлебываясь им.

А Торриен не останавливался. Он проглотил ягоду и тут же заменил ее сперва одним женским пальцем, затем другим, посасывая, лаская горячим языком так, словно это были вовсе не пальцы, а что-то постыдное, откровенное.

Краска залила щеки Иллианы. Грудь стремительно поднималась и опускалась, будто девушка быстро и долго бежала. В груди разливалась раскаленная лава, жгучая, но дурманя-

щая, как маковый сок. Она наполняла легкие вместе с запахом Торриена, концентрировалась в желудке, спускалась ниже и ниже, пульсируя и скручиваясь там в змеиные кольца.

– Согласна? – произнес мужчина, перевернув ее ладонь и целуя теперь тыльную сторону запястья.

– Согласна, – выдохнула девушка, едва управляя собственным голосом, и тут же добавила: – Что значит «хасси»?

Она боялась потерять время. Сама боялась потеряться в золотых глазах Торриена. Раствориться в его обжигающих прикосновениях и забыть все на свете.

Губы мирая дрогнули в улыбке и снова опустились на ее руку. Прошлись медленными поцелуями по запястью, чуть больше времени потратили на сгиб локтя.

Иллиана судорожно вздохнула. Ураган мурашек прокатился по спине.

С каждым пройденным участком кожи, ставшей сверхчувствительной, Иллиана все больше загоралась, теряла над собой контроль. Как костер, в который вместо дров бросали горячие смолы.

Быстро. Неотвратно. Ярко, как зарница.

В промежутках между горячими прикосновениями Торриен все же негромко ответил ей:

– «Хасси» на языке нагов означает «избранница», – звучал его бархатный голос. – Так именуют человеческих девушек, которых выбирают мираи.

Иллиана распахнула глаза и, не удержавшись, спросила:

– А много у одного мирая может быть хасси?

В этот момент она вдруг поняла, что Торриен оказался невероятно близко от нее. Их лица разделял раскаленный воздух шириной не больше ладони.

– То есть этот вопрос интересует тебя гораздо больше, чем то, что для тебя значит быть моей избранницей? – с легкой усмешкой спросил мужчина, и Иллиана еще сильнее покраснела.

Прикусила губу и опустила взгляд.

А ведь и правда. Почему она задала именно этот вопрос?

Но отступать было уже поздно. Девушка резко подняла голову и посмотрела в глаза Великому змею. Ей действительно слишком сильно хотелось знать:

– Так сколько у тебя может быть хасси, Торриен?

В голосе неожиданно даже для нее самой проскользнула железная нотка.

Мягкие, маняще-дерзкие губы мирая растянулись в улыбке. Но вместо ответа он вдруг сказал:

– Поцелуй меня.

Фраза прозвучала уверенно, повелительно. Почти как приказ, если бы не эти самые мягко изогнутые губы.

Иллиане хотелось подчиниться. Но было слишком стыдно. Одно дело, когда тебя целуют без спроса. Властно, требовательно.

Горячо...

И совсем другое – когда нужно сделать это самой. Будто

признаться, что все это тебе на самом деле нравится.

– И сделай это так, чтобы я почувствовал: твой поцелуй не имеет отношения к нашей игре, – тихим, чуть хрипловатым голосом проговорил Торриен, обведя пальцем овал ее лица и остановившись взглядом на губах.

Так, словно понимал все ее мысли.

Каждое слово, сорвавшееся с его губ, словно вбивало в девушку раскаленные шипы. А те плавились внутри тела, превращаясь в сладкий яд, отравляющий кровь, усиливающий напряжение, уже давно пульсирующее между бедер.

– А разве это будет не ради игры? – еле слышно спросила она.

И только дрогнувшие ресницы выдавали ее волнение.

Мирай улыбнулся и ничего не ответил, лишь внимательно глядя на нее темно-золотыми глазами, в которых застыло ожидание.

Темная жажда.

Нет, Иллиана знала, что это будет не ради игры. Все по-настоящему. Потому что Торриен и так был в курсе всех ее желаний.

Ее тело не умело лгать.

Сердце Иллианы билось уже настолько быстро, что, казалось, вот-вот выломает ребра и выскочит прочь, бесполезно задохнувшись где-нибудь на полу.

И тогда она решилась.

Медленно наклонилась к мужским губам, боясь, что упа-

дет в обморок. Замерла, когда осталось миновать последний миллиметр, и на мгновение застыла, опасаясь вздохнуть.

В ушах шумело, перед глазами все померкло.

А Торриен специально не двигался, предоставляя ей полную свободу.

Удар сердца.

Еще один.

Еще.

Иллиана закрыла глаза и осторожно коснулась его губ.

Дрожь лавиной прокатилась по позвоночнику и превратилась в язычки пламени, обжигающие плоть.

Несколько секунд она провела неподвижно, будто ожидала неминуемой гибели. А затем выдохнула и прижалась сильнее. Подалась вперед, неуверенно зарывшись пальцами в длинных черных волосах мужчины.

Так, как давно хотела.

И тихо застонала, не выдержав.

В ту же секунду сильные руки мирая обхватили ее за талию, легко приподняли и резко прижали к мужскому телу, заставив обхватить бедрами. Торриен хрипло выдохнул и еле слышно зарычал, будто выпуская на волю зверя, которого долго держал внутри.

– У мирая может быть только одна хасси, мое сокровище, – прошептал он, прикусывая ее губы и тут же зацеловывая. Спускаясь поцелуями к подбородку, затем к шее и вниз.

Иллиана тихо ахнула, приоткрыв рот, жадно глотая воз-

дух пересохшими губами. Зажмурилась, на несколько ослепительно долгих, остро-сладких секунд позволяя себе *почувствовать*... и тут же отстранилась, слегка отталкивая миря ладонями.

Она тяжело дышала. Боялась, что сейчас он заставит ее продолжать. Уложит прямо на этот диван, содрав платье, которое сам же и подарил. И будет ласкать до тех пор, пока солнце не сменит луну...

Она почти хотела этого.

Почти.

Но Торриен оказался хитрее.

Как только она оттолкнула его, золотые глаза на миг вспыхнули и снова потемнели. А по губам миря вдруг скользнула едва различимая улыбка.

Но она заметила! Только пока не поняла причины, ее вызвавшей.

Что его так обрадовало?

От осознания того, что вновь в этой игре что-то ускользает от нее, Иллиана занервничала.

Ей хотелось держать в руках все происходящее, как бы сложно это ни казалось. И пока создавалось впечатление, что, несмотря на собственные эмоции и желания, ей это удастся.

Создавалось впечатление.

– Еще вопрос? – невозмутимо проговорил Торриен, схватив новую ягоду и положив себе в рот.

Иллиана нервно облизнула губы и последовала его примеру. Это простое действие должно было хоть немного вернуть ей трезвость ума.

Казалось, что помогло.

– Я задам вопрос, если ты пообещаешь мне, что не станешь сегодня... – Иллиана покраснела, но фразу все же закончила: – Заниматься со мной любовью.

«Держать в руках происходящее»...

Она должна была хоть как-то обезопасить себя от этого мужчины. Обязана была.

Потому что себе уже не доверяла.

– Любовью? – с усмешкой приподнял бровь мирай.

– Сексом, – отрезала девушка, стараясь расставить все по местам. А то с этого змея станется обхитрить ее. – Я знаю, что мираям не отказывают, Торриен, – добавила она. – И, если ты захочешь... все будет так, как ты захочешь. Но если ты дашь мне слово, то я могу не бояться.

– А ты боишься? – вкрадчиво уточнил мужчина, и золото его глаз снова начало неумолимо затягивать ее.

– Да, – резко выдохнула она.

– Тогда я обещаю, – тут же легко согласился мирай, по-слав в рот еще одну ягоду. Так легко, что у Иллианы вновь появилось ощущение, будто что-то в этой игре ускользнуло от нее.

– Хорошо, – кивнула она, отгоняя тревожные мысли. – Я хочу знать, что такое «сайяхасси».

Торриен широко улыбнулся. Как мог бы улыбнуться змей, накинувший на добычу несколько колец собственного хвоста. Отложил обе миски с угощением, пересадил девушку на диван, встал и предложил ей руку.

Иллиана чуть сдвинула брови, но вложила свою ладонь в его. Встала следом и прошла с мираем к перилам балкона.

– Что мы будем тут делать? – спросила она, когда он позволил ей дотронуться до ограждения, а сам встал позади, обняв ее за талию.

Прикосновение разом всего тела мирая послало по нервам грозовой разряд.

Иллиана ощутила жар мужской груди, прижавшейся к ее спине, твердость бедер. И тяжело задышала.

Все страхи, желания, горячие импульсы, отравляющие кровь, мгновенно вернулись.

Торриен склонил голову к ее шее, откинув копну волос в сторону, и коснулся губами плеча. Неторопливо. Так, словно имеет на это полное право.

– «Сайяхасси», – низким, чуть вибрирующим голосом проговорил он, – дословно на языке нагов означает «избранница крови».

– Избранница крови? – переспросила Иллиана, чувствуя, как от каждого прикосновения мужчины ее тело бьет дрожь.

Торриен в это время уверенно дотронулся до платья на ее плече и просто сдвинул его вниз, заставив соскользнуть.

Прохладный ветерок тут же обжег разгоряченную кожу.

Иллиана схватилась за ткань возле декольте, не позволяя той слишком сильно сползти вниз, обнажить грудь.

В висках бешено застучало.

– Избранница крови, – продолжал мужчина, перемежая слова жгучими, отравляющими разум поцелуями, – это человеческая девушка, от природы умеющая говорить со змеями... Обладаящая обонянием нагов... Способная выносить дитя нага и не погибнуть от его яда...

В каждой фразе Торриена Иллиана находила и узнавала саму себя. В каждой, кроме последней.

И когда мужчина закончил говорить, на этот раз лаская ее ухо, прикусывая и посасывая мочку, втягивая в горячий рот, казалось, сердце девушки остановилось.

Она широко распахнула глаза, не веря в то, что услышала.

Значит, она нужна ему именно для этого? Для того, чтобы родить ребенка?

Или же ей это все лишь кажется, ведь он дал слово не трогать ее?

В этот момент Торриен вдруг ощутимо вдавил Иллиану в перила, заставив упереть в них руки, и девушка почувствовала, как его правая рука опустилась и скользнула по ее бедру вверх, задирая подол платья.

В голову ударил жар. Ей было стыдно, страшно. Но, что самое невероятное, – не менее приятно.

– Что вы делаете? – шепнула она дрожащим голосом, пытаясь вернуть контроль.

Торриен впился губами в чувствительную ямку, где шея переходила в плечо, почти прикусывая. И одновременно скользнул рукой к основанию бедра. Погладил его внутреннюю часть и едва ощутимо коснулся ребром ладони того места, которое должно быть скрыто нижним бельем.

Но влажное белье Иллианы вместе с платьем осталось в лесу у стены...

Девушка резко выдохнула и сжала ноги. Вот только от этого прикосновение ладони стало еще ощутимей.

Там, где сейчас застыли его пальцы, слегка сжавшие бедро, неумолимо разгорался пожар.

– А на что это похоже? – бархатным голосом спросил он. Низкие, чуть хриплые нотки будто сперва отразились в груди Иллианы, затем прокатились по желудку, заставив его сжаться, а в конце и вовсе упали в низ живота, скручиваясь там раскаленной спиралью. – Боюсь, мое сокровище, что твой последний вопрос стоил... немного дороже предыдущих.

Иллиана резко выдохнула, тут же зажав рот ладонью. Потому что не сумела сдержать еле слышный стон, когда Торриен целиком накрыл ладонью ее лишенную белья чувствительную плоть.

В пылающем мозгу пронеслось то, чему ее учили с детства:

«Никто не может помешать миру сделать то, что он хочет. Желание мира – закон...»

Неужели в их с Торриеном игре она все же допустила

ошибку? Неужели с Великим змеем вообще не стоило играть?

Похоже, она вот-вот об этом узнает.

В этот момент внизу под балконом показались новые посетители. Из-за угла здания выплыл расписной паланкин, и оттуда вышел мужчина. Паланкин с носильщиками тут же исчез, а гость махнул рукой привратнику, давая понять, что не желает пока входить.

Он достал из кармана тонкую длинную трубочку с маленькой чашей, что-то туда положил и поджег с помощью огнива.

А рука Торриена между ног Иллианы словно нарочно стала настойчивей. Мужчина слегка надавил указательным и безымянным пальцами на мягкую кожу, будто массируя, заставляя кровь волнами приливать к этому месту.

– Торриен, там же... там... – выдохнула Иллиана, во все глаза глядя на мужчину, что стоял к ним спиной всего в нескольких метрах.

Девушка зажмурилась, тяжело дыша, когда в этот миг средним пальцем Торриен неторопливо проник сквозь влажные складочки у нее между ног.

Обжигаяще остро, почти не касаясь, так слабо, что почти щекотно. Но так сладко, что Иллиана резко всхлипнула и тут же подняла руку, прикусив тыльную сторону кисти.

Она боялась, что ее услышат...

Торриен коснулся губами ее уха, опалая горячим дыханием, и прошептал:

– Ты же доверяешь мне, Иллиана?

Прикусил мочку, и тут же его палец скользнул по ней на-
стойчивее, увереннее.

Выше и ниже...

Еще раз и еще.

Обводя по кругу и возвращаясь, утопая во влажных лепестках, которые так явно раскрывали для него все ее истинное желание.

Жгучее, голодное пламя, которое разгоралось все сильнее с каждым его движением.

В какой-то момент Торриен дотронулся чуть ниже, погладив и обведя вход туда, где сконцентрировалось самое пекло.

Иллиана тихо ахнула, запрокинув голову ему на плечо, и подалась бедрами назад, то ли пытаясь убежать от его руки, то ли толкаясь в его напряженный, такой твердый даже сквозь одежду член.

– Да, моя девочка... – прошептал он, осторожно проникнув пальцем не больше чем на сантиметр.

– Нет, Тор... я... – прошептала она хрипло, боясь, ужасно боясь, что прямо сейчас произойдет то самое, чего она совершенно не планировала.

Страсть. Секс. Огонь...

А потом он заберет ее...

– Нет, мирай, я еще никогда прежде... – сбивчиво прошептала она, почти не надеясь, что он послушает. Что ему есть хоть какое-то дело до ее девственности.

Торриен поднял свободную руку и каким-то немислимо легким движением распахнул сверху ее платье, обхватив грудь. Сжав уже давно твердый от напряжения и желания сосок.

— Я знаю, что ты никогда... — прошептал он тогда низким голосом с такой будоражащей хрипотцой, что Иллиана задрожала еще сильнее. — А еще... мне нравится, когда ты зовешь меня Тор...

И что-то было в его тембре нетерпеливое, голодное... От чего Иллиана буквально выпадала из реальности. Забывала обо всем на свете.

У него был красивый голос...

«Нет, нельзя терять голову», — пронеслось запоздалое в мыслях девушки.

Она распахнула глаза, вновь с ужасом заметив того мужчину внизу, что стоял спиной к ресторану и выпускал в воздух кольца дыма.

В этот момент он неожиданно повернулся и посмотрел на здание.

Иллиана задержала дыхание, широко распахнутыми глазами следя за тем, как он рассматривает красивые балконы... в другой половине ресторана.

В этот момент девушка решила, что, если он повернет голову и посмотрит в их сторону, она умрет на месте.

Но реальность была куда хуже.

Как только Торриен усилил давление между ее ног, в этот

раз прижав ладонь сильнее, скользя теперь с четким, разрывающим тело и, кажется, саму душу ритмом, Иллиана закрыла глаза. Она едва сдерживала стоны, рвущиеся из груди, и оттого, что приходилось делать это, разум и мысли еще быстрее вышибало из головы. Искусанные губы хватали воздух рвано и конвульсивно.

– Тебе нравится... – шепнул Торриен пошло, жарко.

Она не видела, но чувствовала в этот момент на его лице страстную темную улыбку.

Он прижался к ней сильнее, давая почувствовать обнаженными бедрами его твердость, запертую в штанах.

– Нет, я... – прошептала она судорожно. Тихие всхлипы, вырывающиеся из ее груди, стали чаще. Руки цеплялись за поручни, то и дело срываясь, пальцы сжимались и расслаблялись независимо от желания девушки.

Она уже не контролировала свое тело.

– Нет? – удивленно и с легкой усмешкой переспросил он, тут же замедлив движения рукой.

Тихий, но такой многозначительный вздох сорвался с ее губ, заставив Торриена еще шире улыбнуться.

– Не нравится, значит, – продолжал шептать он, прикусив ее за шею.

И остатками расплавленных мозгов Иллиана вдруг осознала, что он задевает ее кожу увеличившимися клыками.

Сердце грозило вырваться из груди. Она уже не понимала, чего хочет и чего на самом деле боится. Кровь пульсировала

в висках, шумела. Между ног так сильно ныло, требуя продолжения, настойчиво умоляя закончить начатое, что Иллиана чувствовала себя сбитой с толку.

Она злилась, нервничала, боялась. И жутко, просто нестерпимо желала мужчину, стоявшего за ее спиной.

В эту секунду Торриен освободил ее грудь и опустил руку вниз. Иллиана услышала, как звякнула пряжка его ремня, а через миг к ней прижалась разгоряченная мужская плоть.

Иллиана выдохнула.

Ощущение этой близости заставило сердце подскочить к горлу, бешено забившись в судорогах... страха?

Предвкушения?..

Она одновременно хотела и боялась, что *это* произойдет. Что прямо сейчас он закончит то, что начал.

Но Торриен вдруг вновь ускорил движения пальцев между ее ног, возвращаясь в привычный ритм и выбрасывая у нее из головы эти мысли. Теперь он перемежал скольжения пальца с коротким проникновением, отчего внутри девушки словно все сильнее скручивалась пульсирующая раскаленная спираль.

Никто не делал с ней такого.

Иллиана ахнула, запоздало взглянув на незнакомца под балконом, и вся сжалась.

Ее трясло.

От страха, стыда, возбуждения, желания.

Торриен замер, почувствовав ее реакцию.

Тип под балконом резко повернулся и посмотрел в их сторону.

Иллиане вдруг захотелось разрыдаться, если мирай продолжит вытворять с ней эти ужасные вещи на чужих глазах!

И если не продолжит – тоже...

В этот момент Торриен склонился к ее уху и вдруг прошептал чрезвычайно довольным голосом:

– На балкон наложены особые чары отвода глаз. Нас никто не видит, мое сокровище.

И тут же толкнулся вперед, скользнув своими бедрами по ее.

Иллиана застонала, когда он усилил давление, вновь наращивая темп движения и рукой, и членом, который теперь так пошло и горячо двигался в ложбинке между ее ног.

Не внутри, но рядом. Дразня, но не проникая.

Одно резкое движение, второе...

В такт пальцам, по кругу затягивающим ее в водоворот какого-то неизвестного прежде исступления.

Третье, четвертое...

Торриен вдруг прижался к ней сильнее и проник пальцем еще глубже, на всю глубину, в такт толчкам.

Стон жгучего удовольствия сорвался с губ Иллианы, ослепив ее, почти испугав. Но мирай двигался, не останавливаясь, лаская будто бы со всех сторон, надавливая на самые чувствительные точки, от которых сдерживать себя дальше было просто невозможно.

И она почти кричала в голос, откинув голову назад, одновременно слыша его хриплое, прерывистое дыхание, то и дело скатывающееся на низкий стон. С каждым толчком, во время которого он терся о нее своей твердой, как камень, плотью. Он словно занимался с ней любовью, одновременно не делая этого.

Иллиана чувствовала его движения и словно ощущала внутри себя.

Не руку. Его всего.

И в какой-то миг это ослепительное сумасшествие, так нестерпимо затянувшееся по воле Торриена, наконец переполнило Иллиану до краев. Горячая пружина внизу живота взорвалась, раскручивая остро-сладкую спираль, разливаясь удовольствием по крови. По венам. Проникая в каждый миллиметр тела.

Отрывистый, страстный стон сорвался с ее губ последний и самый громкий раз, и через несколько мгновений они оба замерли.

Иллиана не сразу поняла, что все это время Торриен касался одной рукой ее лица, а распахнутыми губами прикусывал за щеку, шею, подбородок. Словно выхватывая стоны, выпивая их.

Его глаза были открыты, на губах играла улыбка.

А еще ее спина была влажной, давая понять, что ему было так же хорошо, как и ей.

Змеиных клыков видно не было, и девушка уже была го-

това поверить, что их и не было вовсе. Только странный будоражащий страх, смешанный с непонятным любопытством, застыл где-то в груди.

После того как мирай отпустил ее, попутно помогая привести себя в порядок, они снова сели за стол. Торриен улыбался, разглядывая девушку хитрым, чуть прищуренным взглядом и наливая ей в бокал вино.

А Иллиана краснела, не зная, куда себя деть. Никогда с ней не происходило ничего подобного, и как себя вести после этого, она понятия не имела.

Кроме того, страсть отступила, и теперь в голове неприятно пульсировала острая и нервирующая мысль: «А отпустит ли он ее домой?»

И если нет, то, может, стоит прямо сейчас уйти в туалет и оттуда сбежать?..

Девушка открыла рот, приготовившись задать вопрос, но правильные слова не шли на ум. В итоге она набрала в легкие побольше воздуха и выпалила:

– Что будет дальше, Торриен?

Мужчина в это время обновил вино в их бокалах и подал один ей.

– Дальше? – приподнял бровь он, но его золотые глаза стали чуть холоднее и резче, чем обычно.

Он прекрасно понимал, о чем она говорит, но почему-то делал вид, что нет.

– Ну... – глотнула она пару раз для храбрости. Все, что

Иллиана выпила прежде, уже успело окончательно выветриться из головы. И немудрено – после таких-то физических нагрузок...

Иллиана покраснела, когда эта мысль окончательно оформилась. Встряхнула головой, попытавшись прикрыть смущение на щеках распущенными волнами волос.

– Ты заберешь меня?

Торриен молчаливо смотрел на нее тяжелым пронзительным взглядом гораздо дольше, чем нужно было для ответа. Тишина затянулась.

В это время Иллиана с удовольствием сгрызла бы себе все ногти от волнения, если бы не боялась шевельнуться.

От слов мирая зависело слишком многое.

– Нет, – ответил он наконец, казалось, чуть холоднее, чем обычно.

Внутри девушки словно лопнула ржавая пружина напряжения. Мгновенно стало спокойнее, только нечто тоскливое шевельнулось где-то под желудком.

Поставив бокал на стол, Торриен достал из кармана небольшой мешочек с монетами, вынул из него двадцать золотых аспидов и бросил на стол.

Брови Иллианы едва не взлетели вверх спугнутыми птицами. Такую сумму зарабатывал весь ее скромный бизнес почти за месяц. Только в течение этого срока еще нужно было покупать на что-то еду, лекарства матери и содержать дом.

Девушка постаралась ничем более не показать своего

удивления.

– Хочешь чего-нибудь еще? – спросил мирай.

Иллиана покачала головой.

– Тогда, думаю, нам пора.

С этими словами он встал и, протянув ей руку, повел прочь с балкона.

Вокруг все было так же, как и прежде. Каменная лестница, снежный мрамор, приглушенные лампы, отбрасывающие красивые тени... Вот только Торриен теперь казался девушке таким же бесчувственным, как каменные стены вокруг. И от этого было почему-то очень грустно.

Но разве это не к лучшему? Он оставит ее, и они никогда больше не увидятся...

Иллиана еле слышно вздохнула, когда они выходили из дверей ресторана. Торриен бросил на нее странный взгляд, но ничего не сказал.

Привратник у дверей пожелал им «сладчайшей ночи» и низко поклонился. А девушка в очередной раз распахнула глаза, с легким восхищением разглядывая его огромный змеиный хвост.

Как только они вышли, к дверям подъехал паланкин. Открывая перед девушкой штору, Торриен спросил, вновь оказавшись к ней гораздо ближе, чем положено приличиями:

– Почему ты так глядела на этого привратника?

Жар его тела на миг обжег Иллиану. Мужчина не касался ее, но одного взгляда хватало, чтобы по спине прокатилась

горячая волна.

Даже после всего, что между ними случилось каких-то полчаса назад, она все равно вздрагивала и чувствовала, как внутри все начинает трепетать, стоило ему оказаться так близко.

Девушка подняла голову и встретила с необычно напряженным взглядом Великого змея. Она немного сдвинула брови, совершенно не понимая, что творится в голове этого мужчины. А затем, пожав плечами, чистосердечно ответила:

– Ну как же... настоящий наг...

Торриен несколько мгновений хмуро смотрел на нее. А потом вдруг разом фыркнул и с усмешкой спросил, проходя в паланкин вслед за ней:

– А я, значит, не настоящий?

Иллиана открыла рот, чтобы ответить, и тут же закрыла, заливаясь краской.

Носильщики двинулись в путь, едва шторка упала, отделяя их от окружающего мира.

– Я имела в виду его... хвост, – смущенно ответила девушка через мгновение. – Я видела настоящих нагов всего трижды в жизни. Один раз в детстве, затем тебя и вот теперь – его.

Торриен кивнул. Казалось, как только они начали эту неспешную беседу, мрачность и отстраненность в фигуре мирая начала пропадать.

– Конечно, – согласился он. – Немудрено, что тебе инте-

ресно. Может... однажды я снова покажусь тебе в змеином облике...

И с этими словами отвернулся к окну, задумчиво уставившись вдаль. Словно ему нет до нее никакого дела.

Словно эта их поездка и правда последняя.

Нет, оттепель ей лишь показалась...

Иллиана стиснула кулаки и отвернулась.

«Ну и прекрасно! Так даже лучше», – мелькнуло в ее голове упрямое. «И не надо мне ничего показывать...»

Разумеется, вслух она ничего не ответила.

Горизонт вдали медленно становился розовым. Восход был все ближе и ближе, и девушка вдруг почувствовала, что ужасно хочет спать.

Она смотрела вдаль, отодвинув шторку, и глаза ее все сильнее слипались.

Через некоторое время рассвет наконец начал освещать город, и в желтовато-розовых лучах потихоньку вырисовывались местные красоты.

Но Иллиана не успела рассмотреть много. Она заметила лишь огромное здание с золотыми куполами и стрельчатыми окнами, переливающимися разными цветами. Были тут, например, не бесцветные стекла, а голубые, как сапфиры. Были и сиреневые, как будто из тонкого среза аметиста.

– Что это? – выдохнула Иллиана, пораженная красотой и монументальностью сооружения.

– Это храм Иль-Хайят, – тихо ответил Торриен. – Нашей

богини...

И когда девушка повернула к нему голову, оказалось, что он не отрываясь смотрит на нее.

– У вас есть богиня? – сонно зевнув, уточнила она.

– Конечно... У всех есть свои боги.

А потом вдруг добавил:

– Спи...

Вот только, как ни странно, это оказалось лишним. Иллиану так сильно сморило мерное раскачивание паланкина в руках носильщиков, что она уже не могла бороться со сном.

И только в последний момент почувствовала, как кто-то будто бы взял ее на руки, и тут же стало невероятно тепло и спокойно.

Но наверняка это ей лишь приснилось. Торриен явно не хотел больше иметь с ней каких-либо дел.

А также приснилось ей и то, что кто-то тихо занес ее в собственный дом, открыв дверь ключом, который она еще у стены перепрятала из своего платья в новое, подаренное. И положил на кровать, завернув в одеяло.

Великий змей – не нянька простой человеческой девчонке. Он бы не стал всего этого делать.

Однако же к обеду Иллиана проснулась в своей постели и в том же наряде, в котором вчера гуляла в Верхнем городе.

Воспоминания полоснули сознание острым клинком. Дрожь прокатилась по позвоночнику, и резко стало жарко.

«Торриен...» – губы сами сложились в имя, обжегшее ду-

шу.

Перед глазами встало красивое загорелое лицо мирая, его большие золотые глаза, умеющие так быстро и неожиданно темнеть, засасывать в свою глубину. И его губы, шепчущие с легкой хрипотцой: «Иллиана, мое сокровище...»

Девушка сглотнула ком в горле и резко встала, направившись напрямиком в душ. На ходу сняла с себя платье, которое нужно было срочно спрятать, пока мама не заметила. Не хватало еще оправдываться, откуда взяла. И через минуту встала под теплые, нагретые солнцем струи.

В баке было не так много воды, и Иллиана не позволила себе расслабляться. Тем более что с первого этажа уже раздался голос матери:

– Илли, наконец-то ты проснулась! К тебе Фендор пришел! Выходи скорее! Он говорит, у него для тебя сюрприз!

Глава 5

Когда девушка спустилась в гостиную, рыжеволосый парень, которого она знала так давно, что уже и сама не помнила, приветливо помахал рукой. Он широко улыбнулся и тут же достал из-за спины большой пестрый букет цветов.

– Это тебе! – сказал он, шагнув навстречу через всю комнату.

– Цветы? В честь чего это? – удивилась Иллиана, принимая букет.

Разноцветные бутоны источали сильный смешанный запах. Здесь были и розы, и камелии, и лилии, и тюльпаны. Словно Фендор пытался собрать вместе самые несочетаемые, но самые дорогие цветы в городе. Сверху все это богатство было украшено перьями и стразами, имитирующими капли росы.

Иллиана немного вымученно улыбнулась. Букет неожиданно напомнил ей зад попугая. А еще с ее чувствительным обонянием смешанный цветочный аромат, в котором слишком сильно превалировал неприятный запах лилий, начал вызывать головную боль.

– Ну, я не буду отвлекать вас, детки, – сказала мама, которая тоже была здесь. Сейчас она неожиданно подмигнула дочери и, запахнув халат-платье, удалилась в холл. – Посмотрю, не пришел ли какой-нибудь клиент! – бросила уже

оттуда.

Девушка поджала губы и покачала головой.

– Спасибо, Фен. И все же зачем так тратиться? – проговорила она и с трудом надела на лицо широкую улыбку.

Парень явно был доволен тем, что угодил подруге, а Иллиана старательно пыталась не переиграть. Мельком глянув в зеркало, она заметила, что ее зубы и так слишком сильно видны под неестественно натянутыми губами.

– Для тебя мне не жалко никаких денег, ты же знаешь, – ответил он. – К тому же сегодня день нашего знакомства.

– Что, правда? – удивилась Иллиана, подыскивая букету подходящую вазу и угол в комнате. Так, чтобы был подальше от глаз и носа.

– Конечно! Второе число месяца амарилиса, – подтвердил он.

Подошел поближе и вдруг начал помогать обрезать стебельки у цветов.

Иллиана повернула голову и уперлась взглядом в большой белый нос, усеянный мелкими веснушками.

Фендор никогда не нравился девушке, несмотря на то, что, в принципе, был довольно симпатичным парнем. Да и характер он имел легкий, веселый и не жадный. Иллиана в прошлом часто видела его с разными девушками. Они гуляли вместе по парку или со смехом убегали в лес. Некоторое время они встречались, но Фендор неизменно каждый раз расставался с ними и возвращался к ней в попытках завязать

какие-то отношения.

– Фен, ты опять с кем-то расстался? – улыбнулась Иллиана, наконец расправившись с букетом и поспешив удалиться от него в другой конец комнаты.

– Ну что ты! – воскликнул он. – У нас с Джанкейрой ничего и не было!

Махнул рукой и сел на диван, приглашая девушку сесть рядом.

Иллиана не обратила внимания на этот жест и села на соседнее деревянное кресло, обитое простой льняной тканью.

– Ну, я так и подумала, – кивнула она в ответ, скрывая улыбку.

Фендор пожал плечами и сменил тему:

– Я слышал, что тебе удалось наконец расплатиться с Пансом? Поздравляю!

– Да, к счастью, – согласилась девушка и на этот раз улыбнулась гораздо более искренно. – Тебе мама сказала, да?

– Ага, – кивнул он. – Говорят, какой-то богатый муссер заходил, – заговорщически добавил он. – И откуда узнал о твоей лавке? Думаешь, сработали твои мешочки с фамилией?

– Не знаю, – слегка покраснела Иллиана.

Углубляться в тему богатого гостя не хотелось. Ведь девушка была почти уверена, что незнакомец, скупивший у нее все самые редкие приправы, являлся слугой мирая по имени Торриен.

– Я думаю, так и есть, – кивнул парень, не замечая, как притихла его собеседница. – Дарилла сказала, что он был странно одет, словно не местный. Как думаешь, откуда он появился? Какой-нибудь заморский купец?

Иллиана прикусила губу, задумчиво перебирая кисточки на скатерти стоящего рядом стола.

– Не знаю, – ответила неуверенно. – Может, он вообще из Верхнего города. Всяко может быть.

– Из Верхнего? – помрачнел Фендор. – Что ему делать здесь, если он из Верхнего? У них там наверняка своих магазинов специй хватает.

– Не знаю, – повторила девушка, уже ругая себя, что вообще ляпнула про город нагов. Она совсем забыла, что ее друг терпеть не может мираев. – Может, и не из Верхнего. Это я так... предположила.

– Да уж, – фыркнул парень, откинувшись назад на диване. – Нам только хвостатых тут не хватало. Мерзких гадов.

Иллиана сжала зубы, не в силах терпеть такие выражения. И вдруг неожиданно для себя спросила то, о чем никогда прежде не осмеливалась заговаривать:

– За что ты так взъелся на мираев? Живут себе и живут от нас за огромной стеной. Ни мы их не видим, ни они нас. Может, это зависть, Фен?

Парень побледнел, затем побагровел.

– Ни мы их не видим, ни они нас, говоришь?

Подался вперед, и его травянисто-зеленые глаза блеснули.

– Именно. А разве не так? – переспросила девушка.

– Ты помнишь, что у меня нет ни отца, ни матери, Илли? – вкрадчиво поинтересовался он.

Она вздрогнула, осознавая вдруг, что зря завела эту тему.

– Помню, а что?

– И ты, конечно, не знаешь, что с ними произошло? – стиснув зубы, продолжал он.

– Ну... я слышала, что твой отец покончил с собой, – неуверенно произнесла Иллиана. Обсуждать такие близкие сердцу друга темы совсем не хотелось.

– Все правильно, – кивнул Фендор, опустив голову и уперев взгляд в переплетенные между собой пальцы рук. – Он сделал это после того, как мою мать забрали в Верхний город. Просто однажды пришло письмо, что отныне Шалейна Линтар является собственностью какого-то мирая. Змей выплатил нашей семье огромную сумму. И просто забрал ее. Понимаешь? Приехал в своем дурацком паланкине, посадил к себе и увез!

Последнюю фразу он просто выкрикнул. Обыкновенно спокойные и веселые глаза покрылись алой сеткой ярости.

– Понимаю, – вздрогнув, кивнула Иллиана и обхватила себя за плечи.

Ей было жаль друга. Да, она знала, что мираи поступают именно так. Делают то, что считают нужным. Но прежде это никогда не касалось ее лично.

– Ты сильно переживал, да? – спросила она тихо, дотро-

нувшись до ладони Фендора.

Парень бросил на нее такой быстрый и нервный взгляд, что девушке показалось: он вот-вот ее ударит. Но он даже не отдернул руки. Пару раз глубоко вздохнул и словно успокоился. Только в глазах еще полыхала горькая злость.

– Когда ее забрали, мне было два года. Отец говорил, что я долго плакал, пока не забыл ее. А потом, когда мне исполнилось десять, отца не стало. В то время я уже работал на конюшне помощником конюха, и он, видимо, решил, что я в состоянии сам позаботиться о себе. С тех пор я живу один в том самом огромном доме, купленном на деньги от продажи матери...

– Мне жаль, Фен, – тихо проговорила девушка. – Я не знала.

Парень поднял на нее мутный взгляд и кивнул.

– Мало кто знает, я не рассказываю об этом.

А потом через некоторое время добавил:

– Мирай – зло для нас. Если бы их не было, мы жили бы лучше. Например, ты не задумывалась о том, почему между нашими городами стена?

И, увидев, что девушка недоуменно качает головой, продолжил:

– Потому что Верхний город скрывает несметные богатства. Всем известно, что золото у них разбросано едва ли не вдоль дорог. У них нет нищеты, они даже не болеют. Гессай-лаховы отродья... Понятное дело, что всем этим благососто-

ниями они вовсе не собираются делиться с нами! Но разве это честно?

Иллиана нахмурилась. Почему-то ей самой этот вопрос прежде не приходил в голову. И сейчас слова друга казались вполне логичными, правильными. Впрочем, делать собственные выводы она пока не торопилась. Город, который она видела лишь в скупых рассветных лучах, до сих пор казался красивой сказкой, рушить которую не хотелось.

– Молчишь, – хмыкнул Фендор. – Ты знаешь, что я прав. И пусть бы эти безбожники жрали и гадили своим золотом за огромной стеной, но не трогали нас. Не трогали наших женщин... и матерей. Но нет. Им ведь мало своих богатств...

Иллиана молчала некоторое время, не зная, что ответить расстроенному парню. А затем проговорила, стараясь хоть немного его утешить:

– Наверно, ты прав, Фен. Наверно, в этом и смысл – держать нас по разные стороны стен. Мы слишком разные. Хотя... боги у мираев все же есть.

– Правда? – приподнял бровь Фендор.

– Да... Иль-Хайят, кажется, зовут их богиню, – пожала плечами девушка и встала с кресла. Пора было заканчивать этот разговор. Еще целый день впереди, работа не ждет.

– Откуда ты знаешь? – нахмурился вдруг он.

Иллиана обернулась и поймала мрачный, подозрительный взгляд.

Прохладная дрожь прокатилась по спине.

— Где-то слышала, — ответила она неуверенно. — Фен, если ты не возражаешь, я пойду работать. Уже давно полдень на дворе.

— Да-да, конечно, — кивнул парень и заторопился к выходу. И уже у дверей спросил: — Ты не хочешь сходить со мной куда-нибудь сегодня вечером?

Иллиана замялась. Фендор хоть и был хорошим другом, но... не вызывал у нее совершенно никаких эмоций.

— Может быть, Фен, если не буду слишком занята.

Но вечером она так никуда с ним и не пошла. Отвертелась каким-то важным делом и осталась дома. Поднялась в свою комнату и в лунном свете достала из шкафа мирайское платье, подаренное Торриеном. Долго разглядывала его, поглаживая дорогую, усыпанную жемчугом ткань. А затем, вздохнув, плотно завернула в мешок и убрала в самый дальний угол старого сундука, надеясь больше никогда-никогда на него не смотреть. Может, и вовсе забыть о его существовании. О его и о Торриене...

Но забыть не удалось. Ровно через неделю, в течение которой каждое утро она просыпалась с воспоминаниями о проклятом наге, почтальон принес ей письмо. В простом конверте без опознавательных знаков. Но, беря его в дрожащую руку, Иллиана уже чувствовала, от кого оно.

— Светлейшая чета... — выдохнула девушка, прижав письмо к груди.

— Кто там пришел? — прокричала мама из соседней ком-

наты.

– Никто!!! Все... все в порядке! – отрывисто воскликнула она, быстро разворачивая конверт.

Пальцы тряслись, как и она сама. История Фендора не выходила из головы. А еще за прошедшую неделю Иллиана успела искушать себе все локти, пытаясь забыть нага, с которым провела всего одну ночь. Пытаясь думать о нем плохо, приписывая ему одному грехи всех мираев, отбিরавших когда бы то ни было женщин из человеческих семей. Разрушающих жизни...

Но у нее не получалось. Она закрывала глаза и видела расплавленное золото его взгляда и чуть насмешливую улыбку, за которой таилось что-то, чего она не понимала.

И вот теперь письмо...

Разворачивая его, она нутром чувствовала, кто его написал. И не ошиблась.

Вот только неужели это конец? Неужели после недели тишины и спокойствия, когда Иллиана уже успела решить, что он забыл о ней, мирай вздумал ее забрать?

На угольно-черной бумаге внутри золотыми чернилами было написано:

«Иллиана, сегодня в полдень ты должна быть готова».

А снизу короткая приписка, которая разом заставила девушку сперва испытать прилив жара, а затем – холода:

«Это просто свидание. Не навсегда».

Она посмотрела на старые часы на стене и вдруг поняла,

что у нее не так уж много времени.

— Что за письмо, дорогая? — раздался вдруг вопрос матери, заставший девушку врасплох.

Она резко развернулась, безжалостно сминая дорогую угольную бумагу в маленький незаметный комочек. Но женщина все же успела заметить:

— Это тебе на черном листе письмо прислали? Никак поклонник? — ухмыльнулась она.

— Нет, мам, ну что ты... — проямлила Иллиана, уже думая: может, съесть послание от греха подальше?

— Не обманывай старую мать! — воскликнула Дарилла и уперла руки в бока.

Иллиана глубоко вздохнула и решила идти по пути наименьшего сопротивления:

— Мам, ты совсем не старая! И да, ты угадала. Это поклонник. Славный малый с... Ткацкого квартала. Я не хотела тебе говорить, чтобы лишний раз не беспокоить, но раз уж ты сама узнала...

Она с ленцой пожала плечами, словно и в самом деле все было именно так.

— О! — воскликнула женщина. — И какой он? Красивый? Богатый?

Пушистые брови Дариллы весело приподнялись и зашевелились.

— Да, мам... — опять покраснела Иллиана. — Он довольно богат... И красив.

При воспоминании о Торриене тело словно выходило из-под контроля.

— Ну-ну, вижу, он тебе нравится, — махнула рукой женщина. — Тогда я не волнуюсь.

— Мам. Я сегодня в полдень отлучусь на... какое-то время. Ты последи за лавкой одна, хорошо? — смущенно попросила девушка.

— Ну конечно, конечно, — заухмылялась мать и, кивая, исчезла в дверях соседней комнаты. — Ах, любовь-любовь! — слышалось уже оттуда.

Все оставшееся до полудня время Иллиана только и делала, что старательно нервничала. Она не решилась надеть тот же мирайский наряд, что и в прошлый раз, и ограничилась простым платьем лаймово-зеленого цвета с длинными широкими рукавами. Светлые волосы просто распустила. Волнистые локоны серебристо-стеклянными волнами рассыпались по плечам и спине.

Иллиана едва заметно улыбнулась. Подсознательно, не отдавая себе в этом отчета, она надеялась, что Торриену ее внешний вид понравится. Ей хотелось быть красивой для него, несмотря на то, что убедить себя она старалась в обратном. Убедить в том, что она — лишь жертва, а он — захватчик. Ведь это было правдой, хотя и не отменяло того, что будоражило и разжигало ее кровь похлеще вина.

Когда пришел назначенный час, к дверям лавки, стуча большими металлическими колесами, подъехала карета, ко-

торуую везла одна лошадь простой рыжей масти. Карета оказалась невысокой и без крыши, внутри были аккуратно поставлены друг напротив друга две лавки, обитые алым велюром.

Услышав звук копыт, стучащих по брусчатке, скрип и грохот колес, Дарилла выскочила из лавки вслед за дочерью, даже позабыв о клиенте, который в это время выбирал у нее специи для борща.

– Ух ты, настоящая повозка! – ахнула женщина. – Твой жених, должно быть, очень богатый мужчина!

– Мама, это не повозка, а карета, и он мне не жених, а просто... друг, – сжала губы Иллиана, ужасно краснея. Привлекать внимание к себе, а особенно к своему таинственному кавалеру, она вовсе не хотела.

В это время кучер, сидящий на козлах, повернул к ним голову и проговорил, сняв шляпу:

– Это не карета, а ландо, муссьоры. Прошу садиться!

Это оказался простой человек лет пятидесяти с внушительной лысиной и парой клочков седых волос над ушами.

Иллиана кивнула маме, помахала рукой и, красная как помидор, пошла садиться в ландо.

В это время из соседних домов повылезали любопытные носы соседей. Всем не терпелось поглядеть, для кого это приехал такой красивый экипаж.

К слову сказать, усевшись на алую скамеечку, Иллиана сразу обратила внимание, что ткань на ней хоть и выгляде-

ла красивой, но была совсем не такой качественной и хорошей, как в паланкине Торриена. В некоторых местах велюр протерся и потерял цвет. Кожаные элементы декора и вовсе потрескались.

Эта карета была не из Верхнего города, а, скорее всего, из каретного парка недалеко от конюшен, что в паре кварталов от дома Иллианы.

Пока крупные металлические колеса неприятно громко стучали, отдаваясь грохотом в ушах, девушка задумалась: а есть ли вообще в Верхнем городе кареты? Ведь если бы были, наверняка Торриен приехал бы к ней именно в одной из них. Но когда они вместе двигались по Верхнему городу, Иллиане не довелось увидеть ни одного ландо. Зато паланкинов было предостаточно. В чем причина такого явления, догадаться не представлялось возможным.

Оставив позади несколько кварталов, кучер несильно стеганул уставшую лошадку по спине плетью, заставив идти быстрее, и вдруг резко повернул влево.

– Поднимите крышу ландо и держитесь крепче, муссьора! – крикнул он, и в следующий миг карета понеслась гораздо быстрее прежнего.

Иллиану вдавило в скамейку, и несколько мгновений она безуспешно пыталась выполнить повеление. Искала какие-нибудь рычажки илидвигающиеся элементы для управления складной крышей. Затем выдохнула и просто дернула ее вверх.

С громким хрустом гармошка из кожаной ткани распрямилась, превратившись над головой девушки в полукруглый купол, скрывающий ее от посторонних глаз.

Сразу же стало спокойнее. Чужие взгляды уже не пробились сквозь темный полог, никто из знакомых ее не видел и не мог узнать.

А кучер тем временем обогнул один квартал и неожиданно очутился у больших закрытых ворот Верхнего города.

– Ну, вот мы и приехали, муссьора, – проговорил мужчина, стирая шапкой пот с лысины. Затем приблизился к двум молчаливым охранникам, стоящим по обеим сторонам от высоких латунных дверей, впаянных прямо в камень стены, и подал им какую-то бумагу.

Охранники внимательно ознакомились с содержимым документа и, вернув его обратно, одновременно опустили вниз два тяжелых рычага по обеим сторонам врат.

В следующий миг тяжелые створки раскрылись, впуская в Верхний город лошадку, кучера и возбужденно озирающуюся девушку в крытом ландо.

Когда карета двинулась вперед, Иллиана снова спряталась под крышей, откинувшись на спинку скамейки. Ей было невероятно любопытно, что будет происходить дальше. Широко раскрытыми глазами она рассматривала окраину Верхнего города, поэтому темная мужская фигура на взмыленном коне по другую сторону стены осталась ею незамеченной. Фигура, в которой она легко узнала бы Фендора, если бы

ей вздумалось скользнуть взглядом в щель закрывающихся врат.

Но девушка уже с удовольствием удивлялась чистоте улиц, выложенных идеально ровной каменной плиткой. Оглядывала диковинные кусты аккуратных шарообразных форм, восхищалась красивыми алыми тюльпанами, растущими прямо вдоль дорог.

Впрочем, ее ландо не уехало слишком далеко. Буквально в паре сотен метров от врат оно завернуло в небольшой переулок и остановилось возле невысокого здания с надписью «Дом мод – Мирное море мирайи Мириам».

Кучер слез с козел, подал руку Иллиане и молча проводил ее к красивым дверям из черного резного дерева. Девушка не задавала лишних вопросов, просто следуя по маршруту, который для нее подготовил Торриен, хотя в больших голубых глазах и застыло любопытство.

Дернув за колокольчик над дверью, кучер развернулся к Иллиане, приподнял шляпу и проговорил:

– Хорошего дня, муссьора.

Улыбнулся, сел обратно в ландо и, стеганув лошадку, уехал прочь.

Иллиана не успела издать и звука, с изумлением провожая удаляющийся экипаж, как дверь дома открылась, и на пороге появилась настоящая нагиня.

Это была высокая за счет своего змеинового хвоста женщина с улыбчивым приятным лицом. Ее темные волосы, со-

бранные на затылке в пухлую раковину, были явно вымочены в какой-то особой краске и отливали ярко-красным.

– Проходи, дорогая, – окинула она Иллиану придиричивым взглядом.

Чуть отодвинула в сторону мощные змеиные кольца, цветом напоминающие глазированную красную глину, и махнула рукой, предлагая войти.

– Здравствуйте, спасибо, – проговорила Илли, опасливо шагнув внутрь.

Она старалась не слишком таращиться на мирайю, несмотря на то, что еще никогда прежде не видела женщин-нагов. Незнакомка же, казалось, все понимала. Она продолжала улыбаться, провожая девушку мимо столов с пудрами, помадами и париками в дальнюю комнату этого странного дома.

Там с одной стороны на вешалках под потолком висели красивые платья и наряды, а с другой стоял шкаф с кучей маленьких скляночек. В воздухе витали тысячи запахов, несмотря на то, что окно в противоположной стене было открыто нараспашку. Тонкий нюх Иллианы улавливал редкие древесные и травяные ноты, которые обычно не встретишь нигде, кроме как в глухом лесу.

– Что мы будем тут делать? – рискнула, наконец, спросить она, подняв взгляд на мирайю, которая, оказывается, все это время рассматривала ее.

В карих с алой сердцевиной глазах женщины блестело лю-

бопытство и легкое превосходство, присущее всем нагам.

– Мне поступило распоряжение одеть тебя так, чтобы ты не привлекала к себе лишнее внимание, дорогая, – ответила она. – Я хозяйка этого дома мод, меня зовут Мириам. Раз ты у нас не простая девушка, а целая хасси, можешь звать меня по имени.

Иллиана вздрогнула, услышав свой новый титул.

Значит ли это, что Торриен все же принял решение и сделал ее своей избранницей? Или это простая формальность?

– Хорошо, – кивнула Иллиана, вспоминая слова змея и без страха глядя прямо в красноватые глаза мирайи. – А меня зовут Иллиана.

Женщина улыбнулась и кивнула.

– Тогда приступим, – сказала она, проведя рукой по нескольким дивным платьям с вышивкой и тонкими, воздушными тканями драпировок. – У нас не так много вариантов для того, чтобы быстро сделать из тебя мирайю. Вблизи, скорее всего, твоя человеческая сущность все равно останется узнаваема...

– А разве необходимо сделать из меня мирайю? – удивилась девушка.

Женщина снисходительно посмотрела на нее.

– Только так ты не будешь привлекать взгляды Великих змеев, дорогая. Хасси – всегда объект для пристального внимания. Тебя будут изучать, оценивать. Обсуждать, достаточно ли ты хороша для своего мира или, может быть, снижа-

ешь его статус.

От этих новостей Иллиане с каждым разом становилось все «веселее».

Мириам тем временем продолжала говорить, шурша длинным хвостом по розовато-белым плиткам пола:

– А если хотя бы издали тебя будут принимать за мирайю в человеческом облике, то вопросы отпадут сами собой.

Девушка кивнула, ощутило напрягаясь. Играть нагиню в ее планы сегодня совсем не входило. А что, если у нее не получится? Торриен рассердится?

С другой стороны, если рассердится, то, может, потеряет к ней интерес...

Иллиана не знала, чего желала больше. Знала только, что хочет вновь увидеть своего змея, несмотря ни на что.

– Что ж, давай приступим, – проговорила Мириам, подобрвав какое-то платье в ворохе воздушных нарядов. – Раздевайся.

Ресницы Иллианы изумленно взлетели вверх, но вопросов она задавать не стала. Глубоко вздохнула и, с легким сожалением расстегнув крючки на платье, развязала пояс и скинула лаймово-зеленую ткань на пол.

Мирайя тут же подползла к ней ближе, шелестя по полу хвостом, и, встав со спины, накинула на плечи легкое, струящееся платье цвета розовой воды.

В нос ударил тонкий древесно-дикий аромат, исходящий от ткани.

Само платье разительно отличалось от того, что дарил ей Торриен на первое свидание. Однако на лифе тоже сверкало множество мелких украшений. Теперь это были прозрачные капли хрусталя и бусины аметистов.

– В прошлый раз мой наряд украшал жемчуг, – задумчиво протянула девушка, запахивая полы платья и просовывая широкий ремень в специальные отверстия.

– Потому что жемчуг – украшение хасси, – с легкой высокомерной усмешкой ответила женщина, – мирайи его не носят. А сегодня ты должна выглядеть как одна из нас. Мирай не хочет представлять тебя, это его право. Хотя он и рискует.

С этими словами она отошла к высокому шкафу и взяла оттуда какой-то бутылек.

– Почему рискует? – уточнила девушка, безуспешно пытаясь понять, к чему готовиться.

– Потому что человека очень сложно не узнать, – снисходительно улыбнулась она. – У вас... специфический запах.

– Неприятный? – тут же ужаснулась Иллиана.

– Нет, – покачала головой Мириам. – Скорее, просто другой. Но мы постараемся немного перебить твой аромат. Вблизи, конечно, все станет ясно, но на расстоянии пары метров вполне сгодится.

С этими словами она подползла поближе и, возвышаясь над Иллианой почти на целую голову, откупорила бутылек и начала наносить на кожу девушки какую-то странно пахнущую жидкость.

Иллиана сдвинула брови, пригнувшись. Если это были духи, то невероятно странные.

– Что это? Какая-то отдушка? – спросила она тогда.

Запах не был неприятным или противным. Он был... особенным. Ничего подобного Иллиана никогда не чувствовала прежде.

– Нет, – покачала головой Мириам, осторожно касаясь области у нее за ушами, на шее, груди, руках и даже ногах. – Мы не признаем запахи цветов, нанесенные на кожу, запомни, дорогая. Их сладость слишком резка для наших носов. Мы любим более спокойные, природные ароматы: например, свежескошенная трава и влажные камни или, как в этом бутылке, песок с легким оттенком стеблей водяных лилий.

– Удивительно, – проговорила Иллиана.

То, что наносилось на ее кожу, пахло очень приятно и одновременно перекрывало другие запахи, не забивая нос резкостью.

– Да, – с легким превосходством кивнула Мириам. – Еще у нас есть ароматы драгоценных камней. Они очень в моде среди знати. Например, сапфировая пыль и лунный лишайник, топазовая крошка и кора маличника. Но простым мирянам, а тем более хасси, такие ароматы носить запрещено.

Иллиана пожала плечами, ничего не ответив. Хотя, признаться, ей хотелось бы понюхать запах сапфировой пыли или топазовой крошки. Не верилось, что они и вправду могут хоть как-то пахнуть.

– Ну, вот ты и готова, – радостно улыбнулась хозяйка дома. – И, стоит заметить, сейчас я и сама усомнилась бы, человек ты или просто мирайя, которая недавно общалась с хасси и слегка ею пропахла.

– Я... очень рада, – проговорила девушка не вполне уверенно.

Мириам только улыбнулась в ответ. Затем с довольным видом распустила волосы Иллианы по плечам, аккуратно уложив локоны поверх нового платья, и, подтолкнув девушку в спину, направила к выходу из дома.

– А куда дальше? – удивилась Иллиана, уже оказавшись на пороге.

– Сама увидишь, – подмигнула Мириам и закрыла перед ее носом дверь.

Девушка развернулась, не зная, что делать дальше, и тут же увидела замерший возле дома огромный красивый паланкин с восемью носильщиками. Легкие прозрачные ткани распахнулись, будто по воле случайного ветра, и на дорогу из паланкина вышел Торриен.

Еще более красивый, чем прежде...

Мирай снова выглядел как человек, и девушка не знала, делает ли он это специально ради нее, чтобы лишний раз не шокировать, либо ему самому так удобно. Правила и обычаи нагов оставались для Иллианы загадкой. А уж мысли и предпочтения самого Торриена – и подавно. Этот мирай казался ей самым таинственным из всех.

Сегодня мужчина был одет в длинную алую рубашку без рукавов, богато расшитую маленькими кусочками самородного золота. Мощные ноги были затянуты в черные штаны с алой шнуровкой. Широкий черный пояс, утягивающий рубашку, украшало золотое литье в виде змеи с глазами-рубинами. На шее же у мужчины висели те самые три цепи разной длины, что и всегда. Звенья перемежались с драгоценными камнями, сверкая на солнце.

Иллиана затаила дыхание, глядя на мирая. Его черные волосы вновь были убраны спереди, а сзади спускались на спину густыми волнами, блестящими, как обсидиан. Золотые глаза сверкали привычной хитрецей, на губах блуждала едва уловимая улыбка.

– Ну, здравствуй, Иллиана, – проговорил он мягким бархатным голосом. – Ты скучала по мне?

И протянул к ней ладонь.

Руки мужчины не были скрыты рукавами, и, скользнув взглядом по смуглой коже, сквозь которую проступали бугрящиеся мускулы, девушка вздрогнула. На бицепсе мирая блестел золотом и камнями витой браслет, будто нарочно привлекая внимание к размеру мышцы, над кистью сверкал такой же, только цельнолитой, в виде обруча. Это позволило девушке заметить, что запястье мирая в два раза толще ее собственного.

Волнение тут же ударило в голову горячей волной. Иллиана облизнула губы и шагнула вперед.

– Здравствуй, Торриен... – И вложила свою руку в его.

Мужчина тут же крепко сжал ладонь, заставив девушку покрыться мурашками.

В голове Иллианы мелькнула неуместная аналогия: пальцы Торриена сомкнулись так быстро и неотвратимо, словно щелкнула и закрылась дверца клетки.

– Так ты скучала или нет? – повторил вопрос мирай, заставив ее замереть возле себя всего в десятке сантиметров.

Несколько секунд Иллиана молчала, пытаясь найти правильный ответ. Ведь если она ответит «Да», значит, признает свое поражение перед ним. Фактически это может означать, что она готова на все, что он потребует.

Ведь ей самой это нравится.

Если же она ответит «Нет»...

Мираям нельзя отвечать «Нет».

Но неожиданно Торриен позволил ей промолчать, проговорив:

– Я вот скучал...

И что-то в его бархатном, низком голосе было такое, что дало понять: он не лгал.

От осознания этой простой мысли в груди девушки будто перевернулось что-то.

С этими словами он положил ее ладонь себе на сгиб руки и повел мимо паланкина по широкому тротуару подальше от дороги. Туда, где впереди виднелся красивый, переливающийся брызгами, как бриллиантами, фонтан.

– Мы не поедem сегодня? – удивилась Иллиана.

– Нет, – покачал головой Торриен. – Я хотел просто погулять с тобой. Показать город. Ты ведь никогда не была в Верхней Шейсаре, верно?

– Верно, – ошеломленно выдохнула она, не веря, что не будет никакого подвоха.

– Ну вот, – кивнул мужчина, крепче прижимая ее руку к себе, отчего под кожу девушки раз за разом проникали жгучие искры. – Конечно, в центр города я тебя провести не смогу, там слишком много народу. Мы неизбежно привлечем лишнее внимание. Но по окраине вполне сможем прогуляться. Здесь тоже очень красиво.

Говоря все это, Торриен не смотрел на нее. Взгляд его был направлен вдаль, а потому было совершенно невозможно даже предположить, о чем он думает. Понять, правдивы ли его слова.

И потому Иллиана тихо выдохнула:

– Но зачем тебе это?

Она действительно не понимала. У всего должна быть причина. Если мирай желал ее как женщину, то мог просто взять. Если хотел сделать своей избранницей и забрать в Верхний город – просто забрал бы. Но вот так... гулять?

Торриен повернул голову и внимательно посмотрел ей в глаза.

– Вариант, что я просто хочу приятно провести время с красивой девушкой, не подходит? – уточнил он, и уголки его

губ дернулись вверх.

Иллиана покачала головой.

– Мне кажется, у вас здесь достаточно красивых девушек...

Торриен беззвучно усмехнулся и вновь посмотрел вдаль.

– Тогда прими как данность, – ответил так, что стало ясно: объяснять он не станет.

Некоторое время они молча шли бок о бок, касаясь друг друга. Иллиана рассматривала золотящиеся крыши домов из белого камня, высокие фонари, покрытые причудливой резьбой, огромные скамейки будто из серебра. И каждый раз внутренне вздрагивала, когда Торриен случайно во время ходьбы прижимался к ней чуть сильнее. Одновременно она вдыхала его тонкий, такой слабый для человека, но достаточно яркий для нее самый аромат. Сегодня горячий и терпкий, как утренний кофе, с легкой пьянящей нотой дикого винограда.

– Кстати, я права, что у вас в городе совсем нет карет? – вдруг задала она вопрос, который ее давно мучил. – Почему вы ездите на паланкинах, ведь это такой труд для носильщиков?

На этот раз Торриен ответил охотно. Видимо, ему самому хотелось просто поговорить, не задумываясь о причинах и последствиях, без игр и недомолвок. Вот только много ли они могли обсудить на таких правилах?

– А ты сама не догадываешься? – улыбнулся он.

Иллиана покачала головой.

– Оглянись, посмотри вокруг, – махнул рукой он тогда, предоставляя ее вниманию широкие чистые дорожки, гладкую, полированную плитку под ногами, идеально выстриженные кусты и цветущие тюльпаны.

– Все еще не догадалась? – переспросил он.

И девушке вновь пришлось покачать головой, несмотря на то, что ответ уже вертелся на языке. Слишком уж разительно отличался Верхний город от Нижнего своей кристальной чистотой. Этого было нельзя не заметить.

– Потому что от лошадей очень много грязи, – наконец ответил мужчина. – Мы не любим грязь. Наши улицы тщательнейшим образом убираются, дороги и тротуары моются с мылом раз в несколько дней. А от лошадей неизбежно будут нечистоты. Конечно, по окраинам города каретам ездить разрешено. Ведь ты въехала сюда как-то. И если требуется какому-нибудь миру из отдаленных районов попасть во дворец, что в центре, то, само собой, он поедет не в паланкине, иначе добираться придется долго. Но есть и царская часть Верхней Шейсары, где появляться лошадям и любым другим животным, кроме змей, запрещено.

– Вы очень чистоплотны, – только и сказала девушка, с трудом представляя, сколько сил нужно вложить, чтобы мыть улицы с мылом раз в несколько дней.

Торриен фыркнул.

– Просто частенько многие из нас любят передвигаться в

истинном облике. А, как ты понимаешь, пачкать хвост никому не хочется.

Он повернулся к девушке и, остановившись, весело ей подмигнул.

— Мы, знаешь ли, очень щепетильны в вопросе своих хвостов. — И губы его растянулись к ушам.

Это было так неожиданно и забавно, что Иллиана не смогла не улыбнуться в ответ.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга, и от взгляда смеющихся золотых глаз у Иллианы внутри все переворачивалось. Рядом шумел фонтан, и искрящаяся водная пыль оседала на их лицах, рисовала в воздухе над головами радугу.

В этот момент девушке вдруг показалось, что мирай вот-вот ее поцелует. Она опустила взгляд на его изогнутые полные губы, и лавина жара будто ухнула куда-то под желудок. Ее дыхание стало прерывистым, редким. Ей так отчаянно захотелось почувствовать прикосновение его губ, что в ушах зашумел пульс, а перед глазами заплясали разноцветные круги.

Будто подтверждая эти мысли, Торриен медленно обхватил ее подбородок, его взгляд прошелся по ее лицу, остановившись на влажном приоткрытом ротике, и замер, потемнев.

Иллиана задержала дыхание, чувствуя, как кружится голова.

Но внезапно Торриен отстранился и, сцепив руки за спиной, посмотрел вдаль.

– А вон и храм Иль-Хайят, – сказал невозмутимо. – Хочешь посмотреть поближе?

Иллиана хватала ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. Кровь прилила к щекам, стало жарко и... стыдно.

Получается, она хотела его поцеловать, а он ее – нет?

«Какой вздор...» – мелькнуло в голове возмущенное.

– Храм? Конечно, хочу, – кивнула она так, словно ничего особенного не произошло. – Заодно расскажешь мне о вашей богине.

Торриен кивнул, но на губах его то и дело появлялась слишком уж понимающая усмешка.

– К сожалению, совсем близко мы подходить не станем, – начал говорить он. – Храм стоит берегу озера, и там много мираев. Но я знаю одно отличное место с видом на храм. А рассказать про богиню тебе, мое сокровище, смогу по пути.

Иллиана снова взяла под руку Великого змея, незаметно кусая губы. Нереализованные фантазии жгли изнутри. И теперь, прикасаясь к Торриену, еще сильнее вдыхая его аромат, она чувствовала, как в груди, желудке и внизу живота словно по очереди скручивались раскаленные змеи.

– Надеюсь, рассказ будет интересным, – проговорила она, не проконтролировав сорвавшиеся с губ резкие слова.

Но Торриен не обратил внимания:

– О, весьма, – улыбнулся он. – Ведь я расскажу тебе, как

родилась первая нагиня...

Мужчина повел ее немного в сторону от основной аллеи, по которой они все это время шли, свернув на узкую тропинку, пролегающую среди пышных кустарников.

— А далеко то место, куда мы идем? — уточнила девушка, с удовольствием рассматривая крупные цветы, как драгоценные камни сверкающие среди изумрудной зелени.

Иллиане нравилось здесь, хотя она и не хотела признаваться себе в этом. Страшнее всего — бояться собственных желаний. Но именно это и происходило сейчас с ней.

— Нет, совсем рядом, — кивнул он, указав рукой на цепочку небольших беседок примерно в ста шагах впереди. Они располагались на возвышенности, почти на самом краю невысокой скалы, под которой начиналось озеро. Получалось, что те, кто находился внутри беседок, могли любоваться безупречной водной гладью цвета светлых сапфиров и храмом Иль-Хайят, расположенным на острове в центре озера.

Тропинка, что вела к нужной им аллее, петляла между высокими кустами, то и дело разветвляясь. Но Торриен прекрасно знал дорогу и уверенно двигался вперед, ведя с собой Иллиану.

На пути у них встречалось не так уж много народу. Прежде девушке казалось, что Верхний город полон нагов и каждую секунду здесь должен быть слышен шелест хвостов по каменной кладке. В реальности же они с Торриеном встретили всего две влюбленные парочки на дорожках по

соседству, а еще одна одинокая мирайя прошуршала мимо них, даже не взглянув. Она лишь приветственно опустила голову и тут же скрылась у них за спинами.

Когда первая из беседок была уже совсем близко и Торриен свернул на тропинку в ее направлении, прямо из-за кустов выплыла высокая фигура нага в сверкающих белоснежных одеждах.

Свет солнца отражался от длинного ртутно-белого хвоста и множества маленьких серебряных пластин, украшающих его обнаженную грудь. Длинные серьги-кольца покачивались в его ушах, руки от плеч и до запястий были увешаны блестящими украшениями. На талии Великого змея позвякивали несколько десятков монет, вшитых в кожаный пояс цвета индиго.

Совершенно неожиданно Торриен остановился, как и этот змей, замерший с широкой, плотно сжатой улыбкой.

– Теплого солнца, шерисмирай, – тут же низко поклонился незнакомец, острыми маленькими глазками впившись сперва в Торриена, затем в Иллиану.

Длинные седые волосы, окружающие голую макушку и похожие на нити хрусталя, сверкнули на солнце. Впрочем, Иллиане показалось, что его лысина сверкнула ярче.

– Теплого солнца, хасси, – повернулся к девушке этот странный мирай и тоже слегка склонил голову. Правда, уже не так низко.

– Теплого, – процедил Торриен, и его глаза мгновенно по-

холодели.

Иллиана вздрогнула, ощутив, что он сильнее сжал ее руку. Повернула голову и с удивлением обнаружила, что ее спутник стиснул зубы.

В желудок будто ухнуло что-то тяжелое и липкое.

– Не познакомите меня с прекрасной девушкой? – все с той же приторной улыбкой поинтересовался незнакомец, вновь одарив Иллиану скользким внимательным взглядом.

– В другой раз, – прозвучал холодный ответ с ноткой фальшивой учтивости.

Через пару мгновений Торриен отвернулся и двинулся вперед, словно ничего не произошло.

Сердце Иллианы гулко забилося в груди. Когда они отошли на пару шагов, она повернула голову и увидела, что миррай с серебристым хвостом внимательно смотрит им вслед.

Еще через пару секунд они повернули за очередной куст, и неприятное ощущение чужого взгляда исчезло.

– Кто это был? – спросила девушка, когда Торриен усадил ее на широкую скамейку и сам сел рядом.

Плечо к плечу. Бедро к бедру...

И обнял ее, закинув руку на спинку скамейки.

– Один... знакомый. Не обращай внимания.

Он улыбнулся, но взгляд так и не потеплел.

Иллиана поежилась.

– Он называл меня «хасси», – проговорила она задумчиво.

«А тебя – шерисмирай...» – но этого уже говорить не ста-

ла. Отчего-то девушка была уверена, что Торриен не ответит ей, что означает это слово. А потому Иллиана решила сделать вид, что не заметила его.

– Да, – кивнул Торриен, снова немного помрачнев. – Он распознал в тебе человека. Саримарха в этом плане вообще сложно обмануть.

– Саримарх? – ахнула Иллиана. – Это был Великий казис? Жрец мираев?

Мужчина повернулся к ней и неохотно кивнул.

– С ума сойти, – выдохнула она. – А это плохо, что он разгадал меня, да?

– Не бери в голову, – слегка скривился Торриен, направил взгляд вдаль, туда, где сверкали золотые купола храма, и проговорил: – Я обещал рассказать тебе, как появилась первая нагиня. Тебе все еще интересно?

– Конечно! – тут же воскликнула девушка, слегка подавшись в его сторону и неосознанно крепче сжимая его руку.

Торриен опустил взгляд на ее пальцы, обхватившие его ладонь, и, еле заметно улыбнувшись, начал говорить:

– Когда-то давно Шейсара была царством людей. Особенных людей, непростых. Они жили в мире и согласии со змеями. Оберегали их как священных существ, подносили им дары и строили храмы. Взамен змеи охраняли Шейсару. И были они в этом деле лучше любых солдат. Стоило врагам попытаться напасть на цветущее царство, как из недр змеиных нор выползали тысячи ядовитых рептилий. Ночью они

обступали лагерь врага и уничтожали воинов, пока те спят. Никто не мог сравниться силой с Шейсарой, никто и не решился нападать на змеиное царство.

Торриен сделал паузу, бросив на девушку короткий оценивающий взгляд. И ему явно понравилось то, что он увидел. В глазах Иллианы светилось нешуточное любопытство.

– Правили этим царством муж и жена, звали которых Риней и Ава. Царь и царица людей. В их подчинении находилась сотня змеинокровных – редких жрецов и жриц, умеющих общаться со змеями. Именно с помощью них удавалось Аве и Ринею поддерживать добрые отношения со священными рептилиями. Но однажды Риней влюбился в одну из жриц. Ее звали Илли, что на змеином языке означает «рубин».

В этот момент Иллиана слегка сдвинула брови и напряглась. Торриен тепло взглянул на нее и кивнул.

– Да, Иллиана. Твое имя – человеческая интерпретация змеиного слова «рубин».

– Я не знала, – тихо проговорила она, посмотрела в золотые глаза нага и почувствовала, как под кожу нырнула стая мурашек.

– Ты еще многого не знаешь, – ответил он, но почему-то тон его голоса, ставшего излишне низким и спокойным, не слишком понравился девушке. А Торриен уже продолжил: – Илли была очень красивой женщиной, и ей не стоило труда влюбить в себя царя. Что, впрочем, не отменяло того, что

она и сама полюбила его всем сердцем. Вот только Ава не могла позволить мужу покинуть ее. Шло время, и Риней понял, что любовь к Илли стала для него важнее всего остального. Он решил отказаться от трона. Узнав об этом, Ава обещала. Но что она, простой человек, могла противопоставить змеинокровной жрице, что умела говорить с рептилиями и произносить магические слова? Даже яд было невозможно подлить в ее стакан, потому что жрецы и жрицы обладали поистине змеиным обонянием. И тогда Ава решилась на страшное кощунство.

К этому моменту Иллиана уже крепко вцепилась в руку Торриена и не замечала ничего вокруг. А мирай не мешал ей, сидел неподвижно, словно боялся напугать излишне боязливую лань, которую угораздило подойти невероятно близко к охотнику.

– Что же она сделала? – нетерпеливо выпалила девушка.

– Ава обратилась к гессайлахам, – ответил Торриен. – К демонам дыма и ночи. Она попросила дать ей силу уничтожить змеинокровную соперницу и поклялась, что отдаст за это все, что с нее попросят проклятые существа. И те неожиданно откликнулись, не сумев отказаться от такого подарка. Ведь им предлагала себя сама царица.

Темной ночью они рассказали женщине о ритуале, способном уничтожить тех, в ком течет змеиная кровь. В назначенный час Ава явилась к дверям дворца, прочитала заклятье и полоснула себя кинжалом по венам, целиком вымазы-

ваясь собственной кровью...

Торриен замер, вдруг вздохнув и откинувшись назад на спинку скамейки.

– Эй, а что было дальше? – выдохнула Иллиана, подавшись еще вперед. Она сразу поняла, что на этот раз Торриен остановился не просто так. Он явно не собирался заканчивать историю.

Мужчина повернул к ней голову и улыбнулся. Полные губы красиво изогнулись, и Иллиана неожиданно вздрогнула, заметив в этой улыбке новое, хищное выражение.

Сердце застучало быстрее.

– Поцелуй меня, – проговорил он чуть тише, чем прежде, не сводя с нее глаз цвета темного золота. – И я расскажу.

Мелкая дрожь прокатилась по позвоночнику девушки, ударив по нервам морозным холодом и тут же – жгучим огнем.

– Ты ведь уже делала это, правда? – мягко продолжал мужчина, коварно и так маняще улыбаясь, что внутри Иллианы все переворачивалось. – Ничего сложного. Всего один поцелуй...

Девушка глубоко вздохнула, широко распахнутыми глазами смотря на миря. На его лицо с сильными, немного резкими чертами, на мягкие, изогнутые губы. Смотрела, не отрываясь, теряясь в уверенном, тягучем взгляде, как паутина опутывающем ее, влекущем в свою темную сердцевину.

– Хорошо, – выдохнула тихо, понимая, что действительно

хочет этого. Ужасно хочет коснуться его губ, снова ощутить их вкус, их бархатное, страстное прикосновение, от которого подкашиваются ноги и темнеет в глазах.

– Вот так будет удобнее, – вдруг проговорил мужчина и одной рукой подхватил ее под коленями, закинув на себя.

Теперь Иллиана оказалась повернута к миру полубоком: попой она продолжала сидеть на скамейке, а ноги лежали поверх его бедер.

От неожиданности дыхание на миг замерло в груди, но уже через секунду девушка задышала поверхностно и быстро. К щекам прилила краска.

Она придвинулась ближе к Торриену, с каждой секундой, с каждым преодоленным миллиметром с трепетом понимая, что вот-вот сделает это. Снова коснется его, снова поцелует Великого змея.

Сама.

Было в этом что-то настолько неправильное, невероятное, но при этом нестерпимо желанное, что у Иллианы темнело перед глазами. Сердце в груди заходило в бешеном ритме, а губы то и дело казались пересохшими, отчего их все время хотелось облизать.

Оказавшись всего в паре миллиметров от мужчины, Иллиана замерла, вглядываясь в неподвижное, будто застывшее лицо. Затем сделала последний рывок и коснулась его.

Глаза закрылись сами собой. Ей хотелось почувствовать этот поцелуй. Ощутить его каждой клеточкой тела. Понять,

что с ней происходит...

А потому она не торопилась. Едва ощутимо обхватила его верхнюю губу, позволив себе насладиться ее мягкостью, затем приоткрыть рот и, обхватив нижнюю губу, несмело провести по ней языком.

Сладко... Горячо.

Настолько нестерпимо, что под ребрами будто зажглось собственное раскаленное солнце.

А Торриен вдруг перестал дышать. Он замер, словно превратившись в каменное изваяние. Боялся пошевелиться. И смотрел на нее широко распахнутыми глазами, в которых неестественно увеличивался зрачок. Медленно, неотступно. Пока он не закрыл глаза, тихо выдохнув. Пока не опустил руку на ее колено, неторопливо проникая под мягкую ткань юбки, ведя по бедру вверх, пока девушка тихо не всхлипнула, а он не зарылся второй рукой у нее на затылке. Путаясь в шелковых волосах, напоминающих туман или лунный свет, притягивая девушку к себе, мешая ей разорвать поцелуй, который она и так ни за что бы не разорвала.

Потому что уже утонула в нем.

Но в какой-то момент Торриен вновь распахнул глаза и, тяжело дыша, отвел взгляд, осторожно убирая ладонь с женского бедра, которое вдруг стало под его пальцами таким податливым и горячим. Посмотрел вдаль, на золотые купола храма, и, выравнивая дыхание, проговорил:

– Как только Ава произнесла последние слова заклатья,

кровь, покрывающая ее тело и разлитая по земле, вспыхнула черным огнем. Проклятым огнем гессайлахов. Это было пламя, которое невозможно погасить. И вместе с ним по воздуху начала разливаться смертоносная музыка.

Иллиана тяжело дышала, с трудом переключившись вновь на рассказ. Однако история была настолько удивительной, что уже через пару минут она вновь слушала Торриена, забыв обо всем на свете.

– Звуки этой музыки привлекали всех существ, в которых текла змеиная кровь, – продолжал мирай, глядя вдаль своими загадочными золотыми глазами. – Это оказались все жрецы и жрицы, прозванные змеинокровными. И все змеи, что жили на Шейсаре. Это было ужасно, потому что уже через несколько часов пламя цвета сажи у дворца царей, казалось, достигло небес. А внутри него кричали и корчились от боли десятки людей и тысячи змей. Вместе со жрицей Илли, которая не смогла противостоять заклятью, как и другие змеинокровные.

Торриен на секунду перевел дыхание, а затем вновь продолжил:

– Огонь гессайлахов убивал медленно, поэтому люди и змеи перед смертью долго страдали. Страдала и Ава, которая осознала масштабы трагедии и тут же раскаялась в том, что сделала. Ее кожа обгорела, волосы истлели, но она все никак не могла умереть, наблюдая за гибелью священных змей, могучих жрецов и своей соперницы Илли, которую прежде так

ненавидела. Сейчас она уже не хотела ее смерти, но ничего нельзя было изменить. А затем в огонь вошел и ее царственный супруг, который оказался не в силах смотреть, как умирает его истинная возлюбленная, жрица Илли. Ава проклинала себя за сотворенное зло, но почему-то не погибала. И в момент, когда испустил дух ее муж, она дала клятву, что постарается искупить свою вину, если этот ужас прекратится. Как только жизнь покинула Ринея, ее желание исполнилось. Огонь погас. Но те, кто уже много часов горел в его пламени, все равно умирали. Здесь нужно добавить, – прервался вдруг Торриен, взглянув на девушку, – что, судя по всему, Ава была сильной колдуньей, просто не знала об этом. Именно по этой причине сперва ей удалось призвать гессайлахов. И именно это затем позволило ей так долго не умирать в огне. Когда пламя исчезло, царица огляделась вокруг и горько заплакала, обнаружив сотни мертвых тел. Ее собственные ноги были сильно обожжены. Но она все же подобрала одну живую, раненую змею и прижала к себе, обливаясь слезами и вымаливая прощение. И случилось чудо. Змея открыла глаза и вдруг исчезла, будто впитавшись в живот Авы и через мгновение заменив ей ноги на огромный змеиный хвост. В тот же миг Ава начала подбирать раненых змей и укладывать их на животы погибающих жрецов и жриц. Она ползала между телами еще целые сутки, пытаясь отыскать живых, тех, кого можно было спасти. И на следующий день мир узрел сотню нагов, первой из которых стала Ава. Царица Шейсары.

Торриен затих, наблюдая за реакцией Иллианы.

Девушка же сдвинула брови и сжала губы.

– И Ава после этого всего осталась царицей людей и змей? – возмутилась она. – После такого злодеяния?

Торриен понимающе улыбнулся.

– Да. Более того, после смерти ее возвели в ранг богини.

– Что? Это за какие такие заслуги? – не поняла Иллиана.

Торриен пожал плечами.

– Ава раскаялась в содеянном. Всю оставшуюся жизнь она посвятила тому, чтобы загладить свою вину и перед людьми, и перед змеями. И начала с того, что изменила свое имя на Иль-Хайят. Она говорила, что Ава умерла в огне вместе с мужем и остальными невинно убиенными. Ее прежней больше нет. «Иль» – было производным от «Илли», а «Хайят» – со змеинового переводится как «искупление». В прямом смысле это означало что-то вроде: «Прости меня, Илли». Своего рода извинение за содеянное. Все свое личное богатство она раздала семьям погибших жрецов, а те, что обратились нагами, получили собственные земли в центре города и особый статус. Они стали именоваться народом мираев и были неприкосновенны. Змеи, которым повезло не попасть в огонь, стали жить в их садах, ни в чем не нуждаясь. Охранять город им больше не требовалось. А Иль-Хайят собственно-ручно следила за тем, чтобы исполнялись ее законы и чтобы змеям не наносилось вреда. Собственная жизнь ее больше не интересовала, хотя ради продолжения рода она и родила

троих детей. Когда настал час отойти в мир иной, она покрылась рубиновым огнем и исчезла. После этого ее и признали богиней.

– Рубиновым? – переспросила Иллиана.

– Да, – кивнул Торриен. – Рубин с тех пор является священным камнем мираев. А рубиновое пламя – символ правящей династии.

Что-то такое, признаться, Иллиана прежде уже слышала. Она взглянула на храм вдаль и впервые обратила внимание на множество розовых искр, светящихся на солнце в стенах здания. Это были настоящие рубины, украшающие священное место.

– Ясно, – проговорила девушка. – Довольно печальная история.

– Да, так и есть, – кивнул мирай. – Кстати, через несколько лет после этой истории у людей появился культ невинно убиенных Илли и Риней.

Глаза девушки широко распахнулись.

– Так это, выходит, и есть наша Светлейшая чета? Их имена история не сохранила, но легенда гласит, что они сгорели в священном огне, не решившись покинуть друг друга.

Торриен улыбнулся.

– Ну, часть правды в ваших легендах все же есть. Риней именно так и погиб.

В это время мирай опустил голову вслед за Иллианой и обнаружил, что вновь пальцами поглаживает ее колено. – Ду-

маю, нам стоит уйти отсюда, а то я каждый раз забываю, что мы здесь не одни.

По спине девушки прокатилась горячая дрожь.

Обаятельно улыбнувшись, Торриен убрал руку. Затем помог девушке встать и последовал за ней.

Иллиана не противилась, тем более что ее желания все равно вряд ли играли хоть какую-нибудь роль. Сама-то она с удовольствием осталась бы здесь и целовалась с Торриеном до глубокой ночи. Но, признайся она в этом хотя бы себе, наверняка ни к чему хорошему это бы не привело.

Обратно они шли по той же узкой дорожке вдоль кустов и дивных цветов. Иллиана снова рассматривала все вокруг с не меньшим интересом, чем прежде, а Торриен молчал, изредка бросая на нее короткие взгляды.

Чем дальше они уходили от скалы, тем меньше вокруг было растительности. То и дело слева и справа от них вырастали двух и трехэтажные дома из белого камня с желтыми, блестящими на солнце крышами. Черепица на них была уложена таким образом, что казалась немного вогнутой, и заканчивалась водостоками в форме красивых полукруглых завитков. Иллиана догадывалась, что в этих домах на окраине города явно жили простые наги, не знатного происхождения, ведь до центра здесь так далеко. Однако если предположить, что местные жители являлись самым низшим и бедным слоем населения Верхней Шейсары, то страшно было представить, насколько же богата верхушка, живущая неподалеку от

дворца.

История миряйской богини уже окончательно вылетела из женской головы, уступив место более материалистичным размышлениям. Иллиана вспоминала слова Фендора. Выходит, друг был прав, когда говорил, что наги закрылись такой огромной стеной именно для того, чтобы не делиться своим богатством с людьми? Чтобы не смотрели жители Нижнего города на достаток мираев и не завидовали?

В какой-то момент Иллиана не смогла сдержаться и все же проговорила:

– Торриен, могу я задать тебе один вопрос?

Мужчина повернулся к ней с легким любопытством и кивнул.

– Почему Верхняя и Нижняя Шейсара разделены стеной? Я не понимаю. Мы живем в одном городе, но так, словно в разных. У вас вокруг такая красота... А у нас...

Девушка побоялась договаривать. Рассказывать, что в Нижней Шейсаре множество нищих, есть даже целый район трущоб, в который простым людям лучше не соваться. И нет ни одного квартала, где было бы хоть на десятую долю так же красиво, как здесь.

Торриен глубоко вздохнул и посерьезнел.

– Наши города и правда закрыты друг от друга. Таков древний закон, которому уже очень много веков.

– Но это ведь неправильно! – воскликнула Иллиана, на мгновение совершенно забывшись. – Глупо! Я представляю,

сколько золотых аспидов тратится царем на одно только мытье ваших улиц! А ведь эти деньги могли пойти в наши приюты! Ты знаешь, сколько у нас беспризорных детей и нищих? Я, конечно, понимаю, что царь – сам мирай, и до людей ему должно быть мало дела...

Дальше девушка не сразу поняла, что произошло. В один миг все закрутилось, и вдруг она оказалась прижатой к теплой каменной стене. Это был чей-то забор, ограждающий территорию невысокого особняка поблизости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.